

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

О них все слышали,
но практически никто не
видел. За ними постоянно
охотятся, преследуют,
отдают огромные деньги,
только чтобы найти хотя бы
след снежного человека
или увидеть это странное
существо...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Амулет снежного человека

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Амулет снежного человека

«ЭКСМО»

2015

Александрова Н. Н.

Амулет снежного человека / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-80284-5

Официальная наука полностью отрицает существование снежного человека, или, как его еще называют, «йети». По легенде, эти близкие родственники обыкновенного Homo Sapiens до сих пор живут в недоступных местах – высоко в горах или в глубоких пещерах. Считается, что они обладают разумом и владеют несметными сокровищами... Тина никогда не интересовалась загадками природы, а тем более вымершими гоминидами, но именно она первой обнаружила странный след босой ноги на снегу – очень большой, больше, чем у обычного человека. А недалеко в сарае девушка нашла удивительный талисман – семиконечную металлическую звезду, обладающую, как Тина вскоре убедилась, уникальными свойствами... Книга также вышла под другим названием: «Ключ от страха».

ISBN 978-5-699-80284-5

© Александрова Н. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Наталья Александрова

Амулет снежного человека

© Александрова Н. Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо». 2015

* * *

«И кой черт меня дернул согласиться на эту авантюру! – думала Тина в ярости. – Ведь знала же, что ничем хорошим это не кончится! Нужно было настоять там, на развилке, чтобы поворачивал направо. А этому обязательно нужно налево. Всегда налево. Вот и занесло черт-те куда!»

Джип здорово потрянуло, не иначе, дорога кончилась, и машина заехала в канаву. Было такое чувство, что все внутренности перемешались, а потом встали не на свои места: сердце теперь там, где должна быть печень, желудок – у горла.

Тина рванула ремень безопасности, потому что он ее душил.

– Пристегнись! – крикнул Кирилл. – Так безопаснее.

– Безопаснее? – не выдержала она. – Безопаснее было бы вообще не сворачивать на эту, с позволения сказать, дорогу! А еще безопаснее было бы не тащиться в эту глушь!

– Ну, завела шарманку! – процедил он. – Не ори под руку!

Она сама понимала, что не следует скандалить в машине, ругаться, когда человек за рулем, но уже не могла сдерживаться. Ехали они долго, таскались по раскисшим дорогам, она устала, хотелось есть, пить, спать, да хотя бы просто в тепло. Чтобы камин горел, музыка играла и в руках стакан с ароматным глинтвейном.

Ага, размечталась. Никто ей этого не предоставит. По крайней мере сейчас. Тогда хоть покинуть этот осточертевший автомобиль, потому что все тело уже затекло, да не вывалиться на холод и сырость, а найти какую-то крышу над головой. Но нет ничего поблизости, этот ненормальный завез ее в такую глушь. Они даже приблизительно не представляют, где сейчас находятся. Где-то на северо-востоке области. А может, это уже и не Ленинградская область? Что там дальше-то...

– Ну и что ты собираешься теперь делать? – спросила Тина, поскольку не могла молчать, эмоции ее распирали, и она боялась, что они ее разорвут. – Куда рулить? Ты хоть представляешь, где мы? Да нет, конечно, куда вам, современным людям, без навигатора! Тебя же все приборы слушаются, сам хвастался. И что?

Кирилл скрипнул зубами. Навигатор сломался, как только они свернули с автострады. Можно сказать, не сломался, а сошел с ума. Вместо карты Ленинградской области стал показывать карту Лазурного берега. Ну да, Ницца, Канны, и так до Марселя.

Что за черт? Ничего не помогало, на экране была все та же картинка. Пришлось ехать наугад. Первое время еще встречались дорожные указатели, потом все пропало. Но Кирилл упрямо ехал вперед, не желая сдаваться, а после уж и развернуться на этой дороге было нельзя. Так что Тинка где-то права, но он ни за что ей про это не скажет. Ох уж эти бабы, будет теперь зудеть всю дорогу.

Тина поглядела на него искоса. Господи, ну за что ей все это? Потратить свои законные выходные на такое вот, с позволения сказать, приключение. Замечательный вышел уик-энд!

И ведь это еще не конец, им, судя по всему, предстоит еще ночевка в машине. Ну за каким чертом она согласилась на эту поездку? Нужно было еще утром, когда увидела за окном дождь, отговорить Кирилла. Да попробуй его отговори, он ведь упрямый, как стадо ослов! Ну, тогда вообще отказаться... Послать его подальше и продолжать спать. Или послать подальше еще

раньше. Ага, как же, вот уж этого у нее никогда не получится. Это какая-то пожизненная каторга.

Хотелось выть, кататься по полу и ругаться неприличными словами. Или выскочить из машины и бежать, бежать, куда глаза глядят. И чтобы ее догоняли, хватали за руки и умоляли вернуться. Тут она не сдержалась и фыркнула. Очень смешно, когда это было, чтобы Кирилл ее умолял вернуться? Да он способен бросить ее здесь на пустой дороге, где до ближайшего жилья сто километров! Ну, может, не сто, а пятьдесят, но ей и этого хватит.

– Над чем смеешься? – пробурчал Кирилл. – Может, расскажешь? Посмеемся вместе!

В голосе его звучали угрожающие нотки, Тина скрипнула зубами и решила промолчать. Один бог знает, чего ей это стоило, но она видела, как подрагивает у Кирилла жилка на виске. А это значит, что он на пределе и может взорваться. Нечасто такое у него бывает, но случается. Видела она пару раз и запомнила надолго, зрелище не из приятных. И правда может выгнать ее из машины. Далеко-то не уедет, но все равно, оказаться одной в этой глуши, мягко говоря, нежелательно. Да еще холодно, дождь идет, и темнеет быстро.

Тина вздрогнула, как наяву ощутив свою тоску, страх и холодные капли, попадающие за шиворот.

«Зачем, зачем мне все это нужно?» – в который раз задала она себе вопрос. И, как обычно, не нашла ответа. Потому что его не было. Никто не сумел бы ей объяснить, отчего уже много лет она не может выбросить Кирилла из своей жизни.

Пыталась поначалу, и не раз. Ничего не вышло. Потом она смирилась. Ей даже нравились его бесконечные увлечения, нравилось, как он мгновенно загорался, его могло подтолкнуть все, что угодно, – увиденный постер, случайно услышанный разговор, детский рисунок на стене. И вот уже готово – Кирилл кипит, глаза его блестят, и через десять минут у него в голове план – куда ехать и что делать.

С ним никогда не было скучно, едва он загорался какой-нибудь идеей, казалось, что кровь его не струится по жилам, как у всех, а несется бурным потоком, словно ручьи весной.

Так же быстро он остывал. И забывал свои мимолетные увлечения, не жалея ни потраченного времени, ни денег.

Он был хорошим программистом, работал в крупной фирме, таких, как он, работодатели очень ценят. По крайней мере так он сам говорит.

Последнее увлечение Кирилла было связано с поездками по старым заброшенным деревням.

Он выискивал на чердаках и в сараях старинные вещи из деревенского обихода, некоторые из них довольно хорошо сохранились. Кирилл отдавал их скупщику почти даром, он охотился за стариной не ради денег. Он говорил, что эти вещи необходимо спасти от порчи и пожара, что они обладают особой энергетикой, ведь к ним прикасалось множество людей за долгое время.

Тина слушала его мимоходом, невнимательно, поскольку это уже было далеко не первое его увлечение, и она знала, что скоро все пройдет. А пока ездила с ним, выискивая в сараях и на сеновалах прялки, ухваты, ушаты и коромысла. Все было засаленное и затертое сотнями натруженных рук, никакой особенной красоты Тина в этом не находила.

Внезапно мотор джипа негодуяще взвыл, их снова потряхнуло, так что Тина клацнула зубами. Кирилл сбросил скорость, машина продвигалась вперед медленно, как бы опасаясь того, что впереди. Проехали еще немного, и вот джип встал.

– Что такое? – Кирилл попытался стронуть машину с места, но ничего не помогало.

Мотор заглох окончательно.

– Ну вот, приехали, – Кирилл тихонько выругался.

– Этого следовало ожидать, – сказала Тина, хотя знала, что не нужно ничего говорить.

Все равно не поможет, так какой смысл ругаться? Но злые слова так и рвались наружу.

– Что, бензин кончился? – спросила она. – Заправиться забыл?

– Да черт его знает! Не лезь, и без того тошно! – Он выскочил из машины, хлопнув дверцей.

Тина осталась сидеть – неохота было переругиваться. И вообще, не хотелось его видеть, надоел за этот день до чертиков со своими ушами и ухватами.

Она посидела минут десять. В машине было душно и скучно, радио не работало. Выйти, что ли, размять ноги, подвигаться? Но уже были сумерки, которые быстро превращались в ночь. Ну да, поздняя осень, ноябрь, темнеет рано. И вот что теперь делать? Они одни, на много километров вокруг нет никакого жилья. Машина встала, и, судя по всему, окончательно. И вполне возможно, что тут нет мобильной связи, Тина не удивится, если это так. А если и есть связь, то кто к ним поедет в такую темень и по бездорожью?

Дверца внезапно распахнулась.

– Тинка! – Кирилл был весел и оживлен. – Там деревня!

– Где? – Она с недоверием высунулась из машины, казалось, что они одни в этом темном и неуютном мире, что нет здесь не только людей, но и вообще никого живого.

– Да вон же, смотри – дома!

И правда, довольно близко просматривались темные, бесформенные силуэты деревенских домов. Дождь перестал. Тина подняла глаза вверх и заметила, как желтая луна вылезает из-за тучи. В ее ярком свете блеснуло стекло в одном из домиков. Неужели там люди?

Она представила себе жарко натопленную печку, накрытый стол, да хотя бы горячий чайник...

Но деревня была какая-то странная – не пахло дымом, не лаяли собаки, стояла гробовая тишина, и самое главное – ни в одном окошке не теплился огонек.

В душе у Тины шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Это ничего, в деревне всегда ложатся рано... – бормотал Кирилл. – И встают тоже рано... Рано ложиться и рано вставать – горя и хвори не будете знать... Ладно, давай скатим машину с дороги, а то вдруг кто-то ночью в нее врежется...

Трудно было представить, что еще кто-то поедет по этой ужасной дороге, да еще ночью – но Тина не стала спорить. Спорить с Кириллом – себе дороже.

С трудом они докатили джип поближе к домам, и, хотя здорово шумели – Кирилл то и дело кричал на Тину, подавая команды, – не скрипнула дверь, никто не вышел посмотреть. И ни одна собака не подала голос, что уж совсем невероятно.

Приходилось признать очевидное: деревня была пуста, чему они в общем не очень удивились. В этой части области нередко встречались такие пустые погибающие деревни. Умерли последние старухи, и родственники теперь даже летом не приезжают – как жить в доме-развалюхе? И дороги ужасные.

Кирилл запер машину, забрав из нее сумку с продуктами, пледами и еще кое-какими вещами. Тина взяла фонарик, и они пошли к первому дому, окруженному покосившимся забором.

В это время в тучах снова образовалась прореха, и из нее выглянула луна, окатив окрестности неверным призрачным светом. Луна теперь была гораздо выше и не походила больше на бледный апельсин, теперь это был серебристый диск вроде старинной потертой монеты. В свете луны Тина разглядела приземистый дом, двор, заросший пожухлым бурьяном и лопухами.

Они осторожно пересекли двор, Кирилл шел впереди, нащупывая дорогу. Впрочем, тропинка от калитки к дому не так заросла, пройти можно. Вот ступени крыльца пострадали больше, Тина едва не провалилась. Разумеется, Кирилл и не подумал подать ей руку – ну еще бы, он весь во власти духа первооткрывательства, как будто в этой развалюхе ждет его какое-нибудь сокровище.

Тина плохо видела в темноте, но не сомневалась, что глаза его горят в предвкушении приключений. А какие тут могут быть приключения? Пустой брошенный дом, сырой и холодный. Что можно тут найти, кроме многолетнего мусора? Хоть бы крысы ушли своими ногами, а не сдохли в подполе...

Прежде чем войти, Кирилл постучал в дверь и крикнул:

– Эй, есть кто живой?

Разумеется, никто ему не ответил, только эхо отозвалось дурашливым отзвуком – Вой... Вой... Вой...

Дверь ужасно заскрипела. Они миновали сени, куда проникал призрачный свет луны – до того разошлись дощатые стены, и вошли непосредственно в дом. В свете фонаря заплясали по стенам причудливые, фантастические тени.

Дом был маленький – одна комната и кухня с большой дровяной плитой. На первый взгляд не было в комнате никакого особенного мусора. Мебели, впрочем, тоже почти не было – старый диван в углу с торчащими пружинами, колченогая табуретка, сундук с когда-то красивой резной деревянной крышкой. Даже на ощупь чувствовалось, что крышка насквозь проедена жуком.

– Ты смотри, даже окна целы! – радовался Кирилл. – Но если тебе не нравится, можем пойти в другой дом.

Тина хотела зло рявкнуть, что они не в мотеле и не в гостинице, чтобы выбирать, но сдержалась. Она представила, как бродят они по деревне в темноте, и содрогнулась.

– Лучше останемся здесь.

– И верно, от добра добра не ищут...

Она усмехнулась, радуясь, что он не видит ее лица в полутьме. Как только Кирилл увлекся деревенскими поисками, сразу же у него в речи стали проскальзывать русские пословицы и поговорки. Смешно...

Кирилл крутился возле плиты.

– Смотри, даже заслонки никто не украл! – удивился он. – Сейчас печку затопим.

– Пожара не будет? – опасливо спросила Тина. – Все-таки печка старая...

– Не знаешь ты, что такое старая печка! – Кирилл уже бросился в сени и притащил оттуда охапку дров.

Тина удивилась – как будто кто-то специально для них положил. Кирилл уже колот щепоу на растопку большим охотничьим ножом, который возил с собой в поездки. Он сунул еще в печку какие-то бумажки, что валялись в машине, рекламные газеты – и вот, дрова занялись, хотя в комнате сильно запахло дымом.

– Кажется, нужно там что-то открыть... – пробормотала Тина вполголоса, она знала, что он, как всякий мужчина, терпеть не может, когда его поучают.

– Ах да! – Кирилл дернул выюшку, на пол посыпалась сажа. – Ну, сейчас пойдет!

В печке ровно и весело гудел огонь, и хотя в доме не стало теплее, но было уже не так сыро.

– Ну, говорил же я, что раньше умели делать вещи! – Кирилл радовался как ребенок.

Раньше ее умиляло такое мальчишество, теперь же Тина почувствовала глухое раздражение. Возможно, это от усталости. Кирилл уже порыскал по кухне и нашел чайник.

– Смотри, целый! И не такой уж грязный!

Чайник был ужасен – весь закопченный и без крышки. Но паутины внутри не было, как выяснила Тина, с опаской заглянув внутрь. И мышь там, внутри, не удавилась с тоски и голода. Не слишком чистый чайник, но не ржавый. Кирилл принес из машины полканистры воды. Хватило как раз вымыть чайник и поставить на плиту полный.

Тина расстелила салфетку на колченогой табуретке и выложила еду – пару оставшихся бутербродов, полпачки печенья, яблоко, пакетик сухариков. Не густо, но большую часть они съели днем. Не собирались ведь ночевать здесь, в глуши.

Кирилл подложил еще дров и вернулся из сени с пустыми руками – дрова кончились. Но чайник все же успел вскипеть. Они поели и наполнили термос. От дивана пахло чем-то неприятным.

– По-моему, там мыши, – сказала Тина.

– Не болтай ерунды, – фыркнул Кирилл, заворачиваясь в плед, – они давно уже ушли в более сытное место.

Тина думала, что не сможет заснуть, но она так устала, что стоило ей закрыть глаза, как она провалилась в сон – темный и душный, как деревенский сеновал.

И проснулась она так же внезапно, как заснула. Проснулась от какого-то странного, подозрительного звука. Изба была полна призрачным лунным светом. Лунный свет плескался в доме, как тусклая серебряная вода, он вливался не только через маленькие оконца, но и через приоткрытую дверь.

Тина отчетливо помнила, что вечером Кирилл плотно закрыл эту дверь, накинул щеколду, да еще и подпер ее на всякий случай какой-то деревяшкой, но сейчас дверь была приоткрыта и открывалась все шире и шире. При этом дверь издавала тот самый негромкий, странно и непривычно мелодичный звук, который и разбудил ее.

– Кирилл, – позвала Тина тихо, испуганно, – это ты?

Кирилл не отозвался.

– Кирилл! – повторила Тина. – Не пугай меня! Кирилл, что за дурацкие шутки?

И тут в двери появился темный силуэт, словно облитый по контуру тусклым лунным серебром.

Это точно был не Кирилл. Человек?

Нет, это был не человек...

Освещение немного изменилось, и стоящее в дверях существо проявилось, проступило из темноты, как медленно проступает изображение на черно-белой фотографии. Тина разглядела покатые, покрытые шерстью плечи, длинные руки, массивную, почти без шеи, голову, низкий лоб, маленькие глаза...

Она хотела закричать от ужаса, но крик застыл в ее горле, как рыба кость.

И вдруг Тина услышала голос.

Станный голос, удивительно тихий, но в то же время заполняющий все вокруг, звучащий прямо у нее в голове...

– Я скучал.

Свет снова сместился. Теперь Тина отчетливо видела лицо поразительного существа – это было именно лицо, а не звериная морда, плоское, безволосое лицо с широкими скошенными скулами, и на этом лице она прочитала печаль и одиночество.

Губы его не шевелились, хотя странный голос звучал снова и снова, заполняя комнату, как лунный свет:

– Я скучал...

Маленькие глаза существа смотрели на нее с невыразимой грустью. Существо подняло руку в каком-то странном жесте, то ли успокаивая Тину, то ли приглашая ее куда-то. Страх внезапно покинул ее душу, и она поднялась – так легко, что, кажется, не встала на ноги, а взлетела.

А фантастическое существо неторопливо развернулось и вышло из избы – медленно, удивительно легкой для такого массивного и тяжелого тела походкой.

Отчего-то теперь Тина совершенно не боялась его, она знала, что это существо не сделает ей ничего плохого, надо только... Надо только ей самой что-то непременно сделать, тогда все будет хорошо...

Она шла за ним, будто не касалась земли ногами, будто ее нес лунный свет, как ветерок несет сухой осенний лист, сорвавшийся с дерева.

Существо вышло во двор и медленно пересекло его, подошло к покосившемуся сараю. Возле сарая оно остановилось, медленно повернулось к Тине всем своим огромным, косматым телом, посмотрело на нее пристально и внимательно, потом подняло свою руку – или, вернее будет сказать, лапу? Нет, все-таки руку, и этой длинной рукой показало на дверной проем.

Наклонившись, таинственное существо нырнуло в этот проем, исчезло в темноте.

Тина на какое-то мгновение замешкалась. Ей страшно было войти внутрь, страшно было оказаться в темноте сарая вместе с тем существом – но в то же время это казалось очень важным. Оно, это существо, не случайно привело ее сюда...

Страх снова отпустил ее. Тина шагнула вперед – и едва не наткнулась на косматое чудовище.

Существо стояло в двух шагах от входа и тыкало косматой рукой куда-то вверх.

Тина подняла голову и увидела подгнившую, покрытую мхом потолочную балку.

– Что... Что там? – спросила Тина.

В темноте засветились двумя тусклыми углями глаза существа, губы его шевельнулись...

И тут Тина проснулась.

Было уже утро – хмурое, непрспавшееся, будто с тяжелого похмелья. В избе было полутемно и холодно. Кирилл возился возле печки, снова пытаясь ее растопить.

– Кира! – окликнула его Тина, поднимаясь. – Представляешь, мне приснился такой сон...

– Обожди ты! – огрызнулся Кирилл. – Не разгорается никак! Черт, обжегся! – Он затряс обожженной рукой, завертел головой, словно что-то искал.

Сон, который только что казался Тине таким отчетливым, таким удивительным и важным, таял, как снег на ярком солнце, отступал в волглую осеннюю темноту. Ей и самой уже казалось, что не было в этом сне ничего важного, ничего удивительного.

Она встала, вышла на крыльцо.

Над заброшенной деревней низко нависало сырое и серое осеннее небо в несвежих обносах облаков. Ночью прошел первый снег, он выпал на теплую еще землю и почти весь уже растаял, только кое-где еще оставались жалкие снежные ошметки. Один такой белый пятячок был перед самым крыльцом. Тина опустила глаза – и вдруг сердце ее провалилось, дыхание перехватило, в глазах потемнело.

– Кирилл! – позвала она негромко и шагнула вперед, наклонилась над снежной коркой, вглядываясь в то, что так ее потрясло.

Это был след.

Вполне отчетливый след босой ноги.

Человеческой ноги?

И да и нет.

Это был отпечаток босой ступни, слишком большой для человека и не совсем похожий на человеческий. Спереди он был слишком широким, пальцы расставлены не так, как у обычного представителя Homo Sapiens, чересчур широко растопырены, особенно большой палец – он отходил от остальных под странным углом, и не было у этого отпечатка привычного для людей сужения посередине, там, где положено быть подъему стопы.

Но в то же время такой след не могло оставить ни одно животное. Его форма была слишком человеческой, и потом, там не было когтей...

Тина вспомнила свой сон, вспомнила удивительное косматое существо, медленно и плавно идущее через двор, словно плывущее в густом и клейком свете луны. Именно здесь это существо прошло в ее сне.

Или это был не сон?

– Кирилл! Кира! – снова позвала Тина, на этот раз гораздо громче.

– Что тебе? – недовольно отозвался Кирилл из дома. – Просил же, сколько раз просил – меня зовут Кирилл. Никаких Кирок и Кирюх, Кирилл я! Неужели трудно запомнить?

– Кирилл, иди сюда! Ты должен это увидеть!

– Ну сейчас, сейчас... Я только разожгу печь... Черт, да что это с ней сегодня?

Облака над деревней вдруг разошлись, как будто кто-то огромный разорвал их по шву, и в этот разрыв выглянуло осеннее солнце. Тусклое, медно-красное, оно все же ощутимо грело, Тина подставила лицо его ласковым лучам. Потом спохватилась, опустила глаза на снежный пласт... И увидела, как этот пласт на глазах тает и отпечаток ноги неизвестного существа теряет форму.

– Кирилл! – позвала она взволнованно, нетерпеливо. – Да иди же скорее, это очень важно!

– Ну, что там у тебя? – проговорил он недовольно, выйдя на крыльцо. Рука была неаккуратно забинтована. – Ты же видишь, я обжегся... Знаешь, как больно!

– Посмотри! – вскрикнула Тина, показывая на тающий след. – Ты видишь? Ты видишь это?

– Что это? – переспросил Кирилл, глядя через ее плечо.

– След! – выпалила Тина. – Неужели ты не видишь этот след? Неужели не видишь?

– Где? – Кирилл добросовестно склонился над снегом. – Ничего не вижу!

– Да вот же, вот!

Впрочем, теперь Тина и сама не видела ничего, кроме расплывающегося, темного овального пятна, да и то оно на глазах теряло форму.

– Он растаял... – жалобно проговорила Тина, – но я тебе точно говорю – только что здесь был четкий след... К нам ночью кто-то приходил...

– Не знаю, – Кирилл пожал плечами, – по-моему, тебе показалось. В этой деревне никто не живет. Ты только погляди – все дома полуразрушены, и ночью ни одно окно не светилося... И дым ни из одной трубы не идет... Нет здесь никаких людей!

– Ты меня не понял, Кирилл! Это был... След босой ноги...

– Что ты такое говоришь? – Кирилл нахмурился. – Поздняя осень на дворе, вон, уже снег выпал! Кто тут будет босиком ходить? Это тебе не Африка и не средиземноморский курорт...

– Ты не понял! – повторила Тина. – Этот след был... не совсем человеческий! То есть совсем не человеческий! Он был очень большой, гораздо больше человеческого...

– Что-о? – протянул Кирилл и пристально посмотрел на нее. – Тина, ты меня просто дурачишь! Ты прикалываешься, что ли? Слушай, сейчас не самое подходящее время...

– Да ничего подобного! – Она заволновалась. – Я говорю тебе, что видела этот след! Такой отчетливый... А во сне я видела удивительное существо...

– Слушай, кончай прикалываться! – Кирилл махнул обожженной рукой и поморщился – больно! – Ты что, хочешь сказать, что к нам приходил снежный человек? Они здесь не водятся, они только в Гималаях... Или в Канаде... Я не помню, где еще... Да их вообще не существует! Кончай прикалываться, пойдем в дом. Чаю попьем, и я попробую разобраться с машиной.

– Сейчас... – недовольно проговорила Тина. – Ты иди, я сейчас приду... Мне нужно...

Он развернулся и скрылся за дверью. Даже спина его выражала недовольство.

А Тина пристально смотрела на то место, где только что отчетливо видела след.

Перед ней снова явственно возникла картина из сегодняшнего сна – сутулая, покрытая шерстью фигура, легко и плавно пересекающая двор, скрывающаяся в сарае...

Тина подняла глаза.

Сарай был на том самом месте, где и во сне.

Впрочем, подумала она, в этом нет ничего удивительного. Во сне мы видим то же самое, что и наяву, только в удивительных, небывалых комбинациях. Наверняка она заметила этот сарай вчера, но не отложила его в памяти, и лишь во сне это воспоминание проступило, выплыло из подсознания...

Но ноги уже сами несли ее к сараю.

Дверной проем был черным прямоугольником. Из темноты тянуло гнилью и запустением.

Тина снова вспомнила свой сон, вспомнила косматое существо на пороге этого сарая. Странно, тогда она совсем не боялась этого косматого зверочеловека, не то что сейчас. Ну да, во сне ничего не боишься. Другое дело – наяву...

Тина на мгновение задержалась, не решаясь войти внутрь, но затем преодолела страх и шагнула вперед.

Здесь было даже холоднее, чем на улице, и пахло сырой тоскливой затхлостью. И еще чем-то незнакомым и пугающим – сырой шерстью? Каким-то большим зверем?

Тина одернула свое разыгравшееся воображение.

Может быть, подумала она, когда-то давно хозяева держали в этом сарае коз или овец, или еще какую-нибудь живность – вот и остался застарелый запах шерсти...

Глаза постепенно привыкли к темноте, и она увидела земляной пол сарая, ломаные ящики, драные мешки из-под картошки, ключья полусгнившего сена. Больше никого и ничего тут не было. Можно возвращаться, Кирилл ждет... Он голоден и потому зол, да еще руку обжег, не стоит испытывать его терпение.

Повинуясь какому-то неосознанному побуждению, Тина подняла глаза... И увидела прямо над головой подгнившую, обросшую мхом потолочную балку.

Точно такую, какую она видела во сне.

Точно такую, на которую ей указывало удивительное косматое существо.

Она привстала на цыпочки, потянулась к балке, но ей немного не хватило роста. Тогда оглянулась на дверь – отчего-то ей ужасно не хотелось, чтобы Кирилл застал ее здесь, как будто она делала что-то постыдное.

Убедившись, что ее никто не видит, Тина придвинула к себе ящик поцелее, встала на него...

Ящик был непрочный, он начал трещать и прогибаться, но Тина успела дотянуться до балки, запустить руку.

Сверху, на балке, между ней и потолком сарая, лежал какой-то твердый, тяжелый предмет. Она схватила его, и тут ящик проломился, и Тина свалилась на пол.

К счастью, падать было невысоко, и пол в сарае был земляной, так что она ничего себе не сломала и даже не ушиблась. Поднялась на четвереньки, собралась встать... И вдруг увидела в дверном проеме перекрывающую свет темную фигуру.

Это было так похоже на ее сон, что в первый момент Тина в ужасе подумала – это косматое существо из сегодняшнего сна вернулось, чтобы отобрать ее находку, – но тут же она узнала Кирилла.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он удивленно и неодобрительно, вглядываясь в темноту.

Тина представила, как она сейчас выглядит – на четвереньках, растерянная, наверняка перемазанная...

– Да я смотрела, нет ли здесь чего интересного, – пробормотала она, оправдываясь, – мы же искали всякие прялки, гребни, туеса, коромысла и другие причиндалы... Как ты их называешь – изделия народных промыслов...

Она тут же почувствовала смутное раздражение от того, что начала оправдываться, оправдываться суетливо и многословно, будто и впрямь в чем-то виновата, и раздражение это понятным образом перешло на Кирилла.

– И что – нашла что-нибудь? – осведомился Кирилл не столько с интересом, сколько с насмешкой.

И она поняла, что сегодняшняя их поездка будет последней, что очередное увлечение Кирилла прошло, улетучилось как дым.

Финита ля комедия! Больше не будет бесконечных разговоров о спасении старинных вещей, аккумулирующих энергию людей, когда-то к ним прикасавшихся. И пословиц и поговорок тоже не будет, и ушатов-ухватов, вальков и колотушек. Как же ей все это надоело!

Теперь будет несколько недель относительного покоя, пока Кирилла не накроет новое увлечение. Можно только надеяться, что это будут не прыжки с парашютом в жерло действующего вулкана, и она не попрется туда за ним, как коза на веревочке.

Ну, там хотя бы тепло...

– Так нашла что-нибудь? – теперь в голосе Кирилла звучала самая настоящая злость.

– Нет... – неохотно ответила Тина, и тут она поняла, что, падая, случайно выронила свою находку, и та откатилась к двери, прямо к ногам Кирилла.

– А это что? – проговорил он с равнодушным любопытством и потянулся поднять.

– Отдай! – вскрикнула Тина и вскочила, бросилась к нему – отобрать... И сама устыдилась этого порыва, устыдилась своего внезапно вспыхнувшего раздражения.

Отчего-то ей ужасно не хотелось, чтобы Кирилл трогал эту вещь. Чтобы кто-то вообще трогал ее, кроме нее самой.

– Ерунда, – Кирилл брезгливо поджал губы, – наверное, какая-нибудь деталь от трактора или от сеялки. Ничего интересного. Не народные промыслы...

Он хотел бросить Тинину находку, но Тина перехватила и сама удивленно уставилась на нее.

Это была плоская металлическая звезда с семью острыми лучами. Тяжелая, увесистая, но вместе с тем удивительно приятная на ощупь, она ничуть не была тронута ржавчиной, хотя наверняка долго пролежала в этом сыром сарае. Вероятно, ее защитила смазка – звезда казалась чуть маслянистой... Хотя нет, она была совершенно чистой, не оставила на руке никаких пятен. Пожалуй, она была не маслянистой, а шелковистой... И еще она была теплой, как живая человеческая рука.

– Выброси! – неодобрительно процедил Кирилл.

«Еще чего!» – подумала Тина и бережно спрятала свою находку за пазуху.

Они вернулись в дом, и Кирилл налил ей чаю из термоса – горячего, ароматного, он добавил в него каких-то сушеных ягод, что купил вчера утром на придорожном рынке у старухи. Старуха сказала, что ягоды называются птичья рябинка, и отвар их пьют для памяти. Тина поглядела с недоверием, но спорить с Кириллом не стала, тем более что старуха производила приятное впечатление – одета чисто, и глаза такие светлые, умные... Тем не менее незнание, что это за ягоды, не могло помешать Тине, это Тина с детства знала. И не заметила, как вчера вечером Кирилл высыпал горсть в термос.

А сейчас выпила чай, потому что больше ничего не было. Печку Кирилл так и не сумел растопить, в доме пахло дымом и летали клочья сажи. Дров не было, и Кирилл расколол колченогую табуретку.

– Никак не горит, – жаловался он, – вроде бы и сухая...

«Энергетика мешает», – с удивившим саму себя ехидством подумала Тина, но вслух ничего не сказала.

Тем не менее после чая Тине сразу стало куда легче, настроение поднялось, усталость отпустила ее.

Кирилл что-то говорил, но Тина его не слушала – она вспоминала свой удивительный сон, вспоминала то удивительное существо, которое пришло в избу, залитую лунным светом. Сейчас она поняла, что в том существе было главным: не огромный рост, не длинные, тяжело свисающие руки, даже не голос, звучавший у нее прямо в голове. Самым главным в нем было ощущение глубокой, поразительной древности. Это существо было старше самых старых стариков, старше этой заброшенной деревни, старше огромных елей, теснящихся поодаль, как безмолвные стражи. Оно было старым, как сама земля...

Внезапно Тина почувствовала странное тепло у себя за пазухой – там, где она спрятала свою находку.

– Ладно, пойду, посмотрю, что там с мотором... – проговорил Кирилл и нехотя поплелся к машине.

Видно было, что он всячески откладывал этот момент – уж очень не хотелось ему признать, что они влипли всерьез и он понятия не имеет, как отсюда выбираться. Ведь у них нет еды, и не работает мобильная связь, и до ближайшей приличной дороги далеко, пешком не дойти.

Однако стоило Кириллу сесть за руль и повернуть ключ в замке зажигания – мотор ровно заурчал, как сытый кот.

– Ты смотри-ка, он выспался и взялся за ум! – проговорила Тина, которая стояла рядом с машиной, терпеливо ожидая решения своей судьбы.

– Ума не приложу, что с ним было вчера! – отозвался Кирилл.

Тина ничего ему не ответила. У нее было свое объяснение для странного поведения машины: не для того ли заглух мотор, чтобы они заночевали в этой заброшенной деревне? Не для того ли, чтобы она увидела тот удивительный сон? Не для того ли, чтобы она нашла в сарае тот странный предмет, семиконечную звезду, теплую, как живая человеческая рука?

Впрочем, говорить это Кириллу не стоило, особенно сейчас: в лучшем случае он поднял бы ее на смех. Вместо этого Тина собрала вещи и отнесла их в багажник машины. Нужно было ехать, пока мотор не передумал и снова не заглух.

Взглянув на Кирилла, она поняла, что он думает сейчас только о возвращении домой, никакие приключения его не манят.

Солнце вышло из-за облаков, и сразу стало веселее на душе. Машина резво бежала по проселку – видно, тоже почувствовала, что скоро будет дома. Не прошло и часа, и они выехали на шоссе. Как же так, подумала Тина, вчера эта часть пути показалась ей просто бесконечной...

Ну да, одно дело блуждать в сумерках по незнакомой проселочной дороге со свихнувшимся навигатором, и совсем другое – возвращаться домой при свете солнышка, пусть даже неяркого, осеннего...

Тина настолько повеселела, что решила привести себя в порядок. Несмотря на протесты Кирилла, она повернула к себе зеркало заднего вида, осмотрела свое лицо, поправила макияж и напоследок показала язык своему отражению. Прежде чем повернуть зеркало обратно, бросила взгляд на шоссе. Оно было почти пустым, только далеко позади ехала темно-синяя машина.

Все было не так уж плохо. Единственное, что немного портило настроение – ужасно хотелось есть.

Тина решила потерпеть – скоро она будет дома, а Кирилл наверняка начнет ворчать, что ей вечно нужно то есть, то пить, то еще что-нибудь, – но тут справа от дороги мелькнула вывеска кафе, и Кирилл сам предложил:

– Давай остановимся, съедим чего-нибудь и кофе выпьем. Есть очень хочется.

Ну, если он сам об этом заговорил – Тина решила не возражать. Только отыграла очко, насмешливо проговорив:

– А твоя машина снова не заглохнет?

– Не заглохнет, – уверенно ответил Кирилл, – а если даже и заглохнет – мы сейчас не в диком лесу, здесь нам помогут, и телефонный сигнал тут есть, в случае чего.

Они поставили машину возле кафе.

Чуть в стороне от парковки дремали на солнышке две большие собаки – одна рыжая, другая грязно-белая. Тина подумала, что и сама бы завела собаку, если бы жила за городом. Да можно бы и дома завести, но поменьше, чтобы поместилась в квартире. Но это не для нее, так что уж зря думать...

Псы поднялись и, виляя хвостами и позевывая, потрусили навстречу посетителям – должно быть, считали, что долг гостеприимства обязывает их встречать всех гостей кафе, особенно сейчас, осенью, когда этих гостей совсем немного. Рыжий даже радостно осклабился и вывалил розовый язык, что придавало ему забавный вид.

Однако, когда их отделяло от Тины и Кирилла метров десять, собаки вдруг резко остановились, как будто налетели на каменную стенку или, скорее, на толстое, невидимое стекло. Шерсть на загривке у них поднялась, хвосты, которые только что приветливо виляли, свесились между лап. Собаки оскалились и дружно зарычали, причем Тине в этом рычании послышалась не агрессия, послышался страх.

– Что это с ними? – удивленно проговорил Кирилл.

– Не знаю. – Тина недоуменно пожала плечами и направилась к дверям кафе.

Собаки провожали их, держась на прежнем расстоянии и не переставая рычать, а когда посетители скрылись за дверью, они разразились дружным оглушительным лаем. Рыжий гавкал басисто, на одной ноте, грязно-белый – более высоко, с подвываниями.

Из глубины кафе уже шла к ним, вытирая руки, привлекательная улыбчивая женщина лет сорока.

– Иду-иду! – проговорила она нараспев. – Садитесь, где вам удобнее – весь зал в вашем распоряжении!

– Нам бы кофе, – Кирилл уселся за столик возле окна, положил руки на стол, – и поесть чего-нибудь...

– Могу предложить яичницу или горячие бутерброды...

– И то и другое! – оживился Кирилл. – И побольше!

– Что это ваши собаки так разошлись? – спросила Тина, покосившись на окно, из-за которого все еще доносился лай.

– Сама не знаю, – смущенно ответила хозяйка, – обычно они очень спокойные. Вы же понимаете – мы тут живем на отшибе, без собак никак нельзя...

– Вы же рядом с шоссе! – подал голос Кирилл.

– Ну что – шоссе! Здесь только летом большое движение. Осенью, если проедет одна машина за полчаса, – это и то хорошо, а зимой – и того нету. В прошлом году в феврале к нам волки из лесу вышли... вот мы тогда страху натерпелись!

– Волки? – недоверчиво переспросила Тина. – Так близко к городу?

– Не так уж и близко! – вздохнула хозяйка кафе. – Отсюда до города восемьдесят километров...

– Разве это много?

– Много – не много, а жизнь совсем другая! Совсем другой мир! Зверей всяких полно, волки, конечно, редкость, но лисы кур таскают чуть не каждую неделю. Для того и собак держим, но лисы хитрые, умудряются их как-то обмануть. Одна лиса собак отвлекает, а другая в это время лезет в курятник. А то еще какой-то большой зверь приходил, может, медведь. Мы его самого не видели, только слышали, как он в кустах трещал, да вот собаки с ума сходили, прямо как сейчас... Ой, что же я тут разговоры разговариваю! – спохватилась хозяйка. – Вы ведь голодные!

Она ушла и вскоре вернулась с подносом, уставленным тарелками. Горячая яичница, огромные бутерброды – свежий домашний хлеб, малосольная лососина, салат...

– Вкусно! – проговорил Кирилл с полным ртом.

Он полностью пришел в себя, выглядел, как прежде – уверенным, целеустремленным. Разве что не так блестели глаза, ну так это понятно – увлечение прошло. Тина, напротив, чувствовала какое-то странное беспокойство. Казалось бы, все позади, они теперь среди людей, и машина на ходу, а вот точит душу какой-то неприятный червячок, и сердце стучит – что будет, что будет...

Когда они вышли из кафе, собаки снова встретили их дружным рычанием. Хозяйка отогнала псов, причем рыжий и на нее зарычал сердито – не мешай, дескать, я знаю, что делаю...

Тина с Кириллом сели в остывшую машину. Мотор и на этот раз сразу завелся.

– Не знаю, что с ним тогда случилось... – пробормотал Кирилл, вырывая на шоссе. – В понедельник все-таки съезжу к мастеру, пускай посмотрит...

– Пускай... – безразлично повторила Тина и ненароком бросила взгляд в зеркало.

Далеко позади ехала опять всего одна машина. Да, точно сказала хозяйка кафе, совсем другой мир. А уж там, где они ночевали, и вовсе дикое место.

Когда Анна вышла из офиса, уже начало темнеть. Ну вот, огорчилась она, опять она позже всех засиделась на работе. Ну да, конечно, на носу сдача баланса, но это не значит, что нужно поставить крест на личной жизни...

Она прошла на парковку.

Конечно, там оставалась только одна машина – ее. Скромный маленький «Опель» стоял на пустой парковке, как серый ослик из мультфильма.

Анна нажала на кнопку, машина приветливо подмигнула фарами.

Она открыла переднюю дверь, села за руль, вставила ключ в зажигание...

Мотор простуженно кашлянул и замолчал.

Только не волноваться...

Анна немного выждала и снова повернула ключ.

И снова впустую – мотор начал было урчать, но тут же заглох.

Ну да, если уж не везет – так не везет! Мало того, что долго проторчала на работе, так теперь машина не заводится, и неизвестно, как добираться до дома!

Ну что за невезение!

Разумеется, она была женщина самостоятельная и в принципе могла устранить какие-то неполадки. Перемажешься, конечно, но все же можно было попытаться.

Но не сейчас. Сейчас она так устала, что не хотелось об этом даже думать.

Анна вытащила из сумочки телефон, набрала номер знакомого мастера, Стасика.

– Стасик! – проговорила жалким, плачущим голосом. – У меня опять машина не заводится! Приезжай, сделай что-нибудь! Я тебя очень прошу!

– А ты на часы смотрела? – пробубнил голос в трубке. – У меня, между прочим, есть законное право на отдых!

– Смотрела... – жалобно вздохнула Анна. – Ну Стасик, я тебя очень прошу... Я тебе хорошо заплачу...

– Нет, нет и нет! – отрезал мастер. И она как будто воочию увидела его: сидит в шлепанцах, с банкой пива, перед телевизором, и смотрит футбольный матч... Да, тут никакие деньги не помогут!

– Ладно уж, – смиловился Стасик, почувствовав отчаяние в ее голосе, – завтра с утрачка подъеду, разберусь с твоей рухлядью, а сейчас поезжай домой на такси!

В трубке раздались короткие гудки.

Анна снова вздохнула и открыла кошелек.

Наличных там, как назло, было совсем мало, а таксист, если даже и появится, потребует в такое время непомерную плату. Ездить с работы на такси – непозволительная роскошь при ее более чем скромной зарплате. Нет уж, лучше пройти через сквер, за ним проспект, там есть автобусная остановка.

Анна сочувственно взглянула на свою машину и побрела через дорогу, туда, где темнели деревья.

Собственно, это был не сквер, а небольшой лесок, отделявший их офисный комплекс от жилого квартала. Днем здесь гуляли молодые мамы с колясками, собачники выгуливали своих четвероногих любимцев, но это днем. А сейчас здесь, конечно, не было ни души. Совсем стемнело, и только ветер шуршал в листьях.

Анна быстро шла по тропинке среди деревьев, чтобы скорее добраться до остановки, до людей, до света.

Вдруг ей послышались позади чьи-то шаги.

Померещилось ей, что ли, или еще какой-то несчастный трудоголик дотемна засиделся на работе?

Анна остановилась, прислушалась.

Нет, ни звука, только шорох листьев и унылое завывание осеннего ветра...

Она снова пошла вперед – и снова слышала позади хруст песка под чьими-то шагами.

Анна опять остановилась.

И вновь наступила тишина.

– Кто здесь? – проговорила она в темноту.

И никто, конечно, не ответил.

– Я тебя вижу! – соврала Анна, и тут ей показалось, что она действительно видит среди кустов какой-то едва различимый силуэт. Больше того, в темноте сверкнули чьи-то глаза. Сердце гулко заколотилось от страха, рот наполнился слюной.

Да что же это такое! Она не впадет в панику, она не позволит запугать себя какому-то идиоту!

Анна резко развернулась, быстро пошла в прежнем направлении и сразу услышала шаги за спиной. Она не хотела поддаваться панике, но не выдержала и бросилась бежать.

Впереди уже проступал сквозь кусты свет – там был проспект, там была автобусная остановка, на ней наверняка стоят люди. Если закричать, эти люди услышат ее, придут на помощь. Но зачем кричать, зачем выставять себя трусливой дурой, когда еще полминуты, самое большее минута – и она сама добежит до остановки...

Анна представила, как появится на этой остановке – запыхавшаяся, растрепанная, перепуганная. Она перешла на шаг, пытаясь выровнять дыхание...

И моментально шаги за ее спиной приблизились, и на плечо легла тяжелая рука.

Анна резко обернулась и выпалила:

– Отвали, подонок!

И тут она увидела лицо своего преследователя. Точнее не лицо, а маску, дешевую маску из папье-маше, какие под Новый год продаются с лотков. Это была маска обезьяны, нагло усмехающейся, оскалив крупные белые зубы. В прорезях для глаз чернели зрачки, словно два провала в темноту.

– Отвали... – пробормотала Анна едва слышно, чувствуя, как ее ноги слабеют от страха и все тело наливается отвратительной свинцовой слабостью.

– Зря ты так, – раздался из-под маски глухой, заволакивающий голос, – зря ты так со мной. Ты ведь сама этого хочешь... Все вы такие, вы понимаете только грубую силу...

И в то же мгновение сильные, твердые руки сомкнулись на горле Анны и начали медленно сжимать его. Анна попробовала крикнуть, позвать на помощь... Но в груди не было воздуха,

и безжалостные руки так сильно сдавили горло, что она могла издать только бесполезный хрип, неслышимый в двух шагах.

– Ты сама этого хочешь... – повторил глухой голос, а сильные руки все сжимались на горле, и ее охватила слабость.

И вдруг Анна перестала бояться.

Какой смысл бояться, если все самое худшее уже произошло? Если страх, таившийся в темноте, материализовался, превратившись в высокого сильного человека в дешевой маске?

Ноги Анны подогнулись, в глазах у нее потемнело, и она бездыханной упала на дорожку.

Убийца склонился над ней, не сводя взгляда с ее лица, с ее быстро тускнеющих глаз – казалось, он хочет навсегда запомнить их выражение, хочет впитать последний вздох умирающей женщины. Он еще сильнее сжал руки на ее шее и физически почувствовал, что жизнь покинула ее. Вот интересно, это душа, что ли, вылетела из тела?

Анна последний раз дернулась и затихла.

Убийца разжал руки, выпрямился и глубоко, облегченно вздохнул, как будто завершил важное и трудное дело. Затем снял маску, сунул ее в карман и поспешил через сквер к автобусной остановке.

Кирилл довез Тину до подъезда, высадил ее и равнодушным голосом проговорил:

– Пока-пока!

Тина поняла, что он уже мыслями далеко отсюда и что сегодняшние события отошли на задний план, а скоро и совсем забудутся. Но ее это не слишком огорчило...

Наконец Тина осталась одна.

Она приняла душ, чтобы избавиться от преследовавшего ее всю дорогу запаха запустения и увядания, запаха безлюдной, заброшенной деревни, запаха бесконечных осенних просторов, пустых полей и оголенных рощ, и еще... Еще того острого, пугающего запаха, который она почувствовала, зайдя в сарай. В тот сарай, где она нашла странный металлический предмет, семиконечную звезду.

Тина стояла под горячими струями, постепенно приходя в себя. Вскоре она успокоилась. Тревога и волнение оставили ее, она выпила горячего чая и легла спать. Ну да, на улице был белый день, но ночью они так плохо спали на продавленном диване, да еще эти сны...

Тина с наслаждением вытянулась на большой двуспальной кровати, на свежих простынях, закрыла глаза.

И тут же провалилась в глубокий сон, темный и текучий, как ночная река.

Она плыла по этой ночной реке, медленно плыла, отдавшись на волю течения. Вода несла ее вперед, среди сломанных веток, засохших листьев и мертвых увядших цветов, несла в неизвестность, пока не вынесла на песчаную отмель.

Тина вышла из воды – и тут же оказалась в густом, темном лесу. Со всех сторон из чащи доносились приглушенные голоса зверей и птиц. Вдруг все эти голоса смолкли, словно кто-то выключил их, как радиоприемник, поворотом невидимой ручки.

На лес обрушилась оглушительная, бесконечная тишина.

Но Тина поняла, что эта тишина – лишь предвестие чего-то, чего-то, что должно сейчас произойти.

И тут же в чаще раздался глухой, протяжный крик.

В этом крике было что-то звериное, но в то же время и что-то человеческое. Только зверь мог издавать такой страшный, такой оглушительный вопль, но только человек мог испытывать такое бесконечное одиночество, такую безысходную тоску.

Смертельно испуганная, Тина бросилась бежать, не разбирая дороги. Ветки хлестали ее по лицу, цеплялись за одежду, словно пытались ее остановить...

Тина бежала вперед и вперед – и вдруг заросли расступились перед ней, раздвинулись, как театральный занавес, и она оказалась на большой поляне, залитой лунным светом.

Посреди этой поляны возвышался дом. Сложенный из огромных, замшелых бревен, под крышей из потемневшей от долгих дождей дранки, он казался древним, как сам этот лес, больше того – как луна, тяжелым диском нависающая над поляной. Окна его были темными, но Тина подбежала к двери и постучала...

Дверь тут же распахнулась, как будто ее ждали.

На пороге появилось огромное существо.

Мощные покатые плечи, густая шерсть, покрывающая все тело, небольшая голова с нависшими надбровными дугами, маленькие глаза, горящие на темном морщинистом лице, как два уголька в затухающем костре...

Тина отступила в ужасе, хотела броситься наутек, но страшное создание протянуло к ней свои огромные руки, и зазвучал полный тоски и одиночества голос:

– Я скучал!

Тина заметила, что, как и в прошлый раз, в том сне, кошмарное существо говорило, не раскрывая рта, голос раздавался прямо в голове, будто Тина слышала его мысли. Страх отпустил ее, сменившись любопытством и жалостью. Тина остановилась, а существо шагнуло к ней. В руке у него что-то было.

Присмотревшись, Тина поняла, что это книга, небольшая книга в твердом переплете, по темной глянцевой обложке бежали красные буквы названия. В огромной руке чудовища эта книга казалась совсем маленькой и удивительно неуместной.

И тут чудовище раскрыло книгу своими неловкими толстыми пальцами и загнуло одну страницу... другую... третью...

И в ту же секунду Тина проснулась.

Была уже ночь. Она полусидела в постели, тяжело дыша. Простыня сбилась, подушка свалилась на пол, волосы слиплись от пота, сердце тяжело колотилось в груди.

Господи, что за ужасный сон!

Ужасный – но в то же время завораживающий.

Тина встала, поправила постель, прошла на кухню, чтобы выпить воды. Она вспомнила, что уже видела похожий сон, видела в той заброшенной деревне, куда заехали они с Кириллом.

В том сне к ней пришло такое же кошмарное существо. Тина вспомнила и то, как утром, выйдя из дома, она заметила отпечатавшийся на первом снегу след, очень похожий на человеческий – и в то же время совершенно непохожий... Вспомнила, как быстро этот след растаял под первыми лучами солнца...

Или он ей только привиделся?

Кирилл прав, это просто ее фантазии, у нее разыгрались нервы – вот и привиделось черт знает что. Ну а сны – это всего лишь сны, во сне чего только не увидишь!

И вообще, пора перестать ей таскаться за Кириллом всюду, как будто у нее нет своих дел, нет своей жизни.

Мысль эта, раньше приводившая ее в исступление, теперь не вызвала такого чувства. Раньше ей и в голову не могло прийти, что она останется без Кирилла. Как она будет без него жить? Она не сможет обходиться без их встреч, хотя и нечастых, без его увлечений, которыми загорался он так быстро и которыми заражал ее. Эта его энергия, бьющая через край, блеск глаз, порывистые движения, улыбка, голос...

Нет, это невозможно, она уже пробовала – и смогла выдержать максимум месяц. И чего ей это стоило...

В конце концов, она сдавалась и звонила ему сама. А он и не замечал, что ее не было. Они ведь виделись не каждый день, Тина тщательно следила, чтобы был перерыв в их встречах. В противном случае можно ему надоест, а этого она боялась больше всего.

Теперь же мысль не вызвала привычной паники, возможно, Тина просто очень устала.

Она пошире открыла форточку, впустив в квартиру сырой воздух осенней ночи, и снова легла спать.

И на этот раз проспала до утра безо всяких сновидений и проснулась бодрая, хорошо отдохнувшая и ужасно голодная.

Она обследовала холодильник и убедилась, что нужно идти в магазин. Холодильник был пустой, как зимнее поле, и такой же холодный. Надо срочно закупать продукты и готовить еду. Побольше.

Выходя из дома, она проверила почтовый ящик – скорее по привычке, она ничего не ждала.

Тем не менее в ящике лежало почтовое извещение – ей пришла ценная бандероль. Ну да, фамилия ее, инициалы тоже. Что бы это могло быть? Тина ни от кого не ждала никаких посылок. Адрес отправителя был какой-то странный – почтовый индекс, а за ним еще несколько букв и цифр. Тина пожалала плечами и решила зайти на почту перед магазином, надо думать, бандероль небольшая.

Почтовое отделение было совсем рядом, очереди к окошку выдачи ценных писем и бандеролей не было, и Тине выдали небольшой пакет в плотной желтоватой бумаге. Никакой ошибки не было, вот же на пакете ее фамилия.

Вернувшись из магазина, Тина первым делом вскрыла бандероль: ее распирало любопытство.

В пакете оказалась книга.

При виде этой книги Тина замерла, как громом пораженная.

Темный переплет, по которому бежали красные буквы названия – «Следы на снегу». Точно такая же книга, какую держало косматое существо из Тинино сна.

Значит, это был не простой сон...

Тина перелистала страницы книги, как будто рассчитывала что-то найти между ними, но там, разумеется, ничего не было.

Насколько она поняла, речь в книге шла о снежном человеке, йети. Причем непонятно было на первый взгляд – книга документальная или просто вымысел, то есть автор дал волю своей фантазии. Фамилия автора была Прошкин.

«Несерьезная какая-то фамилия», – поморщилась Тина.

И тут она вспомнила, как косматое существо из ее сна загибало уголки страниц точно в такой же книге.

Тина еще раз перелистала страницы и нашла в ней несколько загнутых уголков. Это само по себе было странно: книга новая, явно нечитаная – кто же загнул эти уголки? И главное – зачем?

Вспомнив свой сон, Тина почувствовала волнение.

Все здесь было не случайно, все имело какой-то скрытый смысл... И эта книга про снежного человека, разве это не совпадение с ее сном? Хотя, вот на картинке нарисован снежный человек, он совсем не похож на существо из ее сна. Ну откуда художнику знать, он же йети никогда не видел...

Она несколько минут разглядывала загнутые страницы, потом у нее мелькнула свежая мысль. Тина выписала на листок номера этих страниц: 9 – 13–47 – 82...

Она записала цифры вплотную, одну за другой, потом разбила на две группы, из трех цифр и из четырех, затем на три – и вдруг поняла, что это номер телефона.

Да нет, попыталась Тина убедить себя, не может быть, это совершенно случайное совпадение.

Но рука сама уже тянулась к телефонной трубке...

Тина набрала номер и почти сразу услышала незнакомый женский голос:

– Библиотека имени Иоганна Гутенберга!

«Кто такой Иоганн Гутенберг? – подумала Тина. – Ах да, он же изобрел книгопечатание и напечатал первую книгу. Что ж, подходит для библиотеки...»

Она не знала, что сказать, и машинально проговорила:

– У меня тут книга, «Следы на снегу»...

– Вот как? – голос в трубке изменился. – Что же вы ее не возвращаете? Нехорошо! На нее у нас очередь! Столько желающих... Приходите как можно скорее, приносите ее! Сегодня мы работаем до семи... Спросите Александру Ильиничну... Александру Ильиничну! – повторила Тинина собеседница с нажимом.

Тина хотела возразить, хотела сказать, что это какое-то недоразумение, что она не брала эту книгу в библиотеке и вообще в ней никогда не была записана, но загадочная Александра Ильинична уже повесила трубку.

Тина в растерянности смотрела на телефон.

Очень странный разговор!

Почему эта женщина так настаивала на том, чтобы она пришла сегодня, именно сегодня? Неужели это настолько дефицитная книга? Да сейчас любую книгу можно найти без проблем, полки в книжных магазинах ломятся от новинок и классики, в крайнем случае можно скачать электронную версию из Интернета, так что совершенно незачем ждать своей очереди в библиотеке! И потом, почему женщина сказала, что нужно спросить именно ее?

Казалось бы, книгу можно отдать кому угодно, но она дважды повторила имя-отчество, как будто боялась, что книга попадет не в те руки...

Странно все это!

Тина хотела выбросить телефонный разговор из головы, ведь на самом деле это просто какая-то ошибка, но ее не оставляло странное беспокойство. И еще, ей не давало покоя любопытство...

Она приготовила себе завтрак, поела, но ела без аппетита, не чувствуя вкуса еды.

Ее мысли были заняты событиями последних дней – повторяющийся сон, загадочная бандероль, странный телефонный разговор... Ведь бандероль-то была на ее имя, кто-то же прислал ей книгу...

Помыв посуду, Тина поняла, что не успокоится, пока не поймет, в чем тут дело.

Для начала нужно узнать, где находится эта библиотека. Как она называется? Библиотека имени первопечатника Ивана Федорова? Нет, кто-то другой... Тина напрягла память и вспомнила: библиотека имени Иоганна Гутенберга.

Включив компьютер, она без проблем выяснила, что такая библиотека действительно существует и находится совсем недалеко. Что ж, это радует. Все-таки что-то определенное.

Уже одевшись, она чуть помедлила, оглянувшись. В квартире царил чудовищный беспорядок, ее вещи брошены как попало, ведь вчера она приехала абсолютно без сил. По углам пыль, чуть ли не паутина, на кухне жирные разводы по кафелю. И самое главное – холодильник хоть и полон, но нет готовой еды.

Здравый смысл подсказывал Тине забыть хотя бы на время обо всех странных событиях, что случились с ней за последние два дня, и сосредоточиться на домашнем хозяйстве. Пропылесосить квартиру, запустить стиральную машину и приготовить обед. Грибной суп или рассольник и запечь в духовке свинину.

Она постояла минуту, с тоской глядя на покосившуюся картинку в прихожей и на комки пыли в углу. Затем аккуратно закрыла за собой входную дверь и бегом спустилась по лестнице, не дожидаясь лифта.

Библиотека имени Гутенберга располагалась в старинном доме, выкрашенном когда-то голубой краской, с белыми колоннами. Дверь была очень высокая, дубовая, резная, потемнев-

шая от времени. Сбоку висела доска, на которой было написано, что дом является памятником архитектуры начала девятнадцатого века, что раньше это был дворец графа Бутусова и что теперь дом охраняется государством.

Тина потянула на себя тяжелую неподатливую дверь и вошла в холл библиотеки.

Справа в холле был выгорожен закуток, в котором женщина средних лет с высокой старомодной прической торговала театральными билетами – должно быть, библиотека сдала ей в аренду этот уголок, чтобы немного поправить свое финансовое положение. Впрочем, вряд ли она много платила за аренду.

– Не проходите мимо, девушка! – окликнула театральная дама Тину. – Я могу вам предложить билеты на лучшие премьеры, и с минимальной наценкой... лучшие спектакли сезона! Самые известные артисты нашего города! Семен Гурман в роли Фальстафа! Филипп Дворянский во всех остальных ролях!

– В следующий раз! – отмахнулась Тина и вошла в помещение собственно библиотеки.

Она оказалась в просторном читальном зале. Здесь царила тишина, нарушаемая только шорохом страниц и едва слышными перешептываниями. Длинные ряды столов, высокие книжные стеллажи, зеленые лампы, ощущение уюта и покоя.

Как ни странно, тут было довольно много людей, в основном пенсионного возраста. Кто-то тихо читал, кто-то вполголоса разговаривал, видимо, обмениваясь впечатлениями о прочитанном. Незаметная женщина в синем сатиновом халате протирала пыль на книжных полках.

Навстречу Тине шагнула худенькая старушка с горящим взором, чем-то похожая на преждевременно состарившуюся пионерку. Схватив Тину за руку, она заговорила быстрым тихим голосом:

– Девушка, вы пришли на обсуждение? Очень хорошо! Я всегда верила в молодежь! Я знала, что молодым людям небезразличны серьезные проблемы большой литературы! Хотя Роман Борисович придерживается иного мнения, он считает, что в наше время молодые люди равнодушны и бездуховны...

– О чем вы говорите? – пробормотала Тина, пытаясь высвободиться. – Какое обсуждение?

– Как, вы не знаете? – старушка помрачнела. – Сегодня в библиотеке пройдет литературная дискуссия на очень актуальную тему – сохранил ли роман «Как закалялась сталь» свое значение в наши дни... Вот вы, кстати, как считаете?

– Зоя Ивановна! – прозвучал в дальнем конце зала строгий начальственный голос. – Вы же знаете, в библиотеке принято соблюдать тишину!

– Простите, Варвара Семеновна! – испуганно отозвалась старая пионерка. – Тут вот девушка пришла на сегодняшнее обсуждение, так я ее хотела проинформировать о повестке... Вы же знаете, как это важно – работа с молодежью...

– Извините, я не на обсуждение, и вообще я тороплюсь. – Тина все же смогла вырваться на свободу и обошла старушку, которая неодобрительно бросила ей вслед:

– Выходит, Роман Борисович прав!

Тина уже не слушала ее: она устремилась к большому письменному столу, расположенному в конце зала и развернутому лицом к остальным, как в школьном классе стол учителя развернут к партам учеников. За этим столом сидела сотрудница библиотеки, та самая Варвара Семеновна, которая призывала к тишине старую пионерку.

Это была полная особа в темно-синем костюме, с пухлыми, сильно напудренными щеками, нависающими над строгим белым воротничком, и небольшими глазами, успешно прячущимися за толстыми стеклами очков.

– Вы ведь у нас не записаны, – проговорила Варвара Семеновна, оглядев Тину, – хотите записаться?

Она раскрыла лежавший на столе большой блокнот и взяла на изготовку ручку.

– Вообще-то нет, – честно призналась Тина, – я хочу вернуть вам книгу...

– Вернуть книгу? – Варвара Семеновна отложила ручку, посмотрела на Тину поверх очков, осталась недовольна, сняла очки и снова посмотрела. – Значит, вы все же записаны? Странно, почему же я вас не помню... Очень странно... Ваша фамилия?

– Я не записана, – продолжила Тина, – дело в том, что я разговаривала по телефону с Александрой Ильиничной...

– С кем? – библиотекарь понизила голос и быстро огляделась по сторонам.

– С Александрой Ильиничной, – уверенно повторила Тина, – как мне ее найти?

– Не знаю такой, – женщина сняла очки и тщательно протерла их кружевным платочком, при этом ее лицо утратило начальственную строгость, сделалось испуганным и беззащитным, – у нас нет сотрудницы с таким именем.

– Не может быть, – Тина удивленно взглянула на собеседницу, – но я с ней разговаривала...

– Нет, и никогда не было! – повторила библиотекарь. – Ну, что же, давайте вашу книгу!

Тина замешкалась. Все происходящее показалось ей странным. К тому же женщина, с которой она разговаривала по телефону, несколько раз повторила, что книгу нужно отдать только ей...

Странно, еще минуту назад Тина не думала, что это так важно – кому она вернет библиотечную книгу, в конце концов, не такая уж это ценность, ее можно просто положить на стол и уйти, но неожиданно что-то в лице Варвары Семеновны насторожило ее, и ей расхотелось отдавать той книгу.

В это время на столе зазвонил телефон. Варвара Семеновна надела очки, сразу вернув прежний уверенный и начальственный вид, и строго проговорила:

– Библиотека имени Иоганна Гутенберга! Да, конечно! Нет, ни в коем случае!

Тина под действием мгновенного порыва встала и быстро зашагала к выходу.

Однако она перепутала двери и оказалась не в холле, а в каком-то полутемном коридоре. Она хотела уже развернуться и снова войти в читальный зал, но вдруг из тьмы к ней шагнула та неприметная женщина в синем халате, которая только что вытирала пыль с книжных полок. Она прижала палец к губам, схватила Тину за руку и потащила ее за собой.

– Куда вы меня ведете? – удивленно спросила Тина, пытаясь вырвать руку. – Я никуда не пойду!

– Тс-с! – Уборщица повернулась к ней, прижала палец к губам. – Вы хотели поговорить с Александрой Ильиничной?

– Так она все-таки здесь работает?

– Тс-с! – повторила уборщица и в то же время энергично кивнула головой. – Работает, работает! Идемте со мной!

– Что за тайны мадридского двора... – недовольно пробормотала Тина, но сдалась и пошла следом за странной женщиной.

Та протащила ее по коридору еще несколько метров и втокнула в какую-то дверь.

– Подождите здесь, Александра Ильинична скоро придет! – с этими словами уборщица захлопнула дверь и удалилась.

Тина осталась одна в полутемной комнате.

– Что здесь вообще происходит? – проговорила она, оглядевшись. – С ума все, что ли, посходили?

Тут она осознала, что и сама не вполне адекватна, если вслух разговаривает сама с собой. До сих пор она такого за собой не замечала. Нужно успокоиться, взять себя в руки...

Для начала Тина нашла выключатель и включила свет.

Только теперь она смогла как следует рассмотреть эту комнату. Собственно, ничего интересного здесь не было – несколько шкафов, большой пыльный фикус в кадке. На одном из шкафов стояла гипсовая человеческая голова – такими пользуются на уроках рисования.

– Да где же эта Александра Ильинична? – снова вслух проговорила Тина, взглянув на часы. – Говорила, что ей нужна эта книга, а сама не спешит...

Прошло уже десять минут, как подозрительная уборщица привела ее в эту комнату.

– Ну все! – Тина подошла к двери, дернула ручку...

И с раздражением осознала, что дверь заперта.

– Да что же это такое...

Она снова подергала ручку, налегла на дверь всем весом – но она не поддавалась. Приходилось признать очевидное: подозрительная уборщица заперла здесь Тину. Оставался открытым вопрос – сделала она это нарочно, или дверь случайно захлопнулась...

Да нет, конечно, не могла дверь захлопнуться, тетка прикрыла ее тихо, чтобы Тина ничего не заподозрила. И она, как полная дура, вошла сюда сама и позволила себя запереть!

Раздражение постепенно перерастало в страх.

Казалось бы, что можно придумать более безопасное, чем районная библиотека – и вот на тебе... Здесь определенно творятся какие-то странные вещи...

– Выпустите меня! – крикнула девушка в дверь, но никто не отозвался на ее призыв.

От безысходности Тина впала в панику и принялась колотить в дверь кулаками.

Скоро она отбила себе руки, но больше никакого результата не добилась. Никто не пришел ей на помощь, никто не открыл дверь, никто не выпустил ее на свободу, да и вообще, из коридора не доносилось ни звука. Ни шагов, ни скрипа, ни стука, ни человеческого голоса, вымерли они там все, что ли?

Утомившись, Тина решила взять себя в руки, успокоиться и попытаться обдумать свое положение.

Интересная вещь – Тина поняла, что думать можно только сидя. Когда стоишь, ни одна толковая мысль не приходит в голову, а когда лежишь – неизбежно начинает клонить в сон...

Она нашла в углу за шкафом колченогий стул и села на него в позе роденовского мыслителя – подперев кулаком подбородок и глубоко задумавшись. Стул был очень неудобным, может быть, поэтому в голове забрезжили здравые мысли.

Приходилось признать, что она сама устроила на свою голову неприятности, отправившись в эту подозрительную библиотеку. Взыграло у нее любопытство, решила выяснить, что за странную книгу прислали ей по почте...

Нет, больше ноги ее здесь не будет! И раньше она не посещала библиотеки, а после такого... А злополучную книгу она просто выбросит, как только выберется отсюда... И вернется домой, и займется хозяйством, и приготовит обед – грибной суп и запеченную свинину с каперсами и помидорами.

Нет, лучше рассольник. А к чаю испечет песочное печенье. Или ватрушку.

Да, но для начала хорошо бы выбраться!

На помощь извне Тина больше не надеялась – значит, нужно рассчитывать на свои собственные силы. И еще на то, что можно найти в этой комнате.

Для начала Тина решила поближе ознакомиться с содержимым шкафов.

В первом шкафу, который она открыла, оказались пыльные картонные папки с какими-то бумагами. Заглядывать в них Тина не стала – ясно, что там нет ничего, чем можно воспользоваться, чтобы выбраться на свободу, так что незачем тратить на них время.

Во втором шкафу была сложена неисправная офисная техника, тоже бесполезная в ее положении.

Открыв третий шкаф, Тина увидела там висящие на плечиках сатиновые халаты, похожие на тот, в котором была запершая ее уборщица, и еще какая-то поношенная спецодежда.

Она хотела уже закрыть этот шкаф, как вдруг почувствовала на своем лице легкое дуновение сквозняка.

Дуло явно из шкафа.

Тина раздвинула плечики с одеждой – и увидела в задней стенке шкафа щель, через которую и дул ветерок.

Интересно!..

Девушка шире раздвинула плечики, взялась обеими руками за фанерные края задней стенки и потянула их в разные стороны.

В стене открылся темный проем, из которого тянуло холодом и сыростью.

«Не влипнуть бы снова в неприятности!» – подумала Тина, вглядываясь в темноту.

Однако нужно было как-то выбираться из этой комнаты, а тут перед ней был какой-то выход – правда, он вел в неизвестность, но лучше хоть такой выход, чем безвыходное положение.

Чувствуя себя неудобно, Тина все же вошла в шкаф, а затем шагнула вперед, в темноту.

Она оказалась в узком, холодном и совершенно темном коридоре. Свет, пробивавшийся из-за ее спины, освещал два-три метра, дальше была полная темнота. Тина немного подумала и, сама не зная почему, пошла.

Чем дальше она двигалась, тем темнее становилось, и вскоре она продвигалась только на ощупь. Зато впереди она услышала какие-то приглушенные голоса.

Тина прошла вперед еще несколько шагов и поняла, что голоса доносятся из-за стены коридора.

Тина прислушалась к этим голосам, но не смогла разобрать ничего, кроме невнятного бормотания. Пожалуй, разговаривали двое, но понять, о чем они говорят, не удавалось.

Тина дальше шагнула в темноту, споткнулась о какой-то ящик и остановилась, потирая ушибленную ногу. Теперь голоса доносились откуда-то сверху. Тина пошарила перед собой, нащупала тот ящик, о который только что ушиблась, и влезла на него.

В стене под самым потолком оказалось небольшое, незаметное отверстие, должно быть, вентиляционный ход. Оттуда-то и доносились голоса.

Теперь Тина слышала их куда отчетливее и смогла разобрать отдельные слова.

– Она никуда оттуда не денется, – говорил неприятный, резкий и пронзительный женский голос, – я ее заперла... Я вас уверяю, никуда не денется, можете не волноваться...

– Как вообще получилось, что книга попала ей в руки? – перебил второй голос, мужской.

– Тут не обошлось, сами знаете, без кого...

Женщина понизила голос, и Тина не расслышала окончание фразы. Снова раздался мужской голос:

– Как бы то ни было, проблему нужно решать. Мы не можем допустить утечку...

– Придется привлечь... – Тина опять не смогла разобрать окончание фразы, но мужчине эти слова явно не понравились.

– Будут свидетели, – проговорил он недовольно, – пойдут разговоры, а нам это не нужно!

– Не будет никаких свидетелей! Мы используем... – торопливо возразила женщина и снова понизила голос.

Чтобы расслышать ее слова, Тина потянулась ближе к отверстию в стене, но ящик у нее под ногами затрещал и покачнулся.

– Что там за звуки? – раздался из-за стены громкий мужской голос. – Вы слышали?

– Крысы, может быть... – неуверенно ответила женщина, – дом старый, подвалы давно не чистили...

– Крысы? – с сомнением протянул мужчина. – Раньше здесь не было крыс!

– Раньше здесь много чего не было...

И тут Тина не удержала равновесие и упала со своего импровизированного постамента. Она не ушиблась, но голоса за стеной больше не были слышны. Ящик рассыпался, и встать на него не было никакой возможности.

Тина еще минуту постояла, прислушиваясь, но потом медленно пошла вперед, выставив руки.

Однако далеко уйти ей не удалось: она сделала всего несколько шагов – и уперлась в стену.

Дальше пути не было.

– И что же теперь делать? – проговорила она вслух и раздраженно пнула стену.

Это была глухая бетонная стена.

Оставалось только развернуться на сто восемьдесят градусов и попытаться счастья в другом конце коридора. Тина так и хотела поступить, но напоследок на всякий случай еще раз провела рукой по стене.

При этом она случайно наткнулась рукой на какой-то едва заметный выступ.

И тут же эта стена с глухим скрипом сдвинулась в сторону. Видимо, Тина случайно нажала на какую-то потайную кнопку, приведя в действие механизм, который открывал выход.

Сквозь открывшуюся щель пробивался неяркий свет, которому Тина несказанно обрадовалась. Она раздвинула щель пошире, протиснулась в нее и оказалась на лестничной площадке. За спиной у нее раздался громкий скрип. Тина оглянулась и увидела, что там, откуда она только что выбралась, находится глухая оштукатуренная стена без малейших признаков прохода. Путь назад был отрезан.

– Не очень-то и хотелось! – проговорила Тина, снова поймав себя на том, что стала разговаривать сама с собой. Что ж, за последние два дня произошло множество странных событий, эти разговоры еще не самое удивительное.

Тина огляделась.

Как уже было сказано, она находилась на лестничной площадке. Тина решила спуститься вниз – там почти наверняка мог быть выход на улицу, а сейчас она мечтала только о том, чтобы выбраться из этой подозрительной библиотеки.

Она сбегала вниз, миновав два лестничных марша, и действительно оказалась перед дверью, вероятно, ведущей наружу. Проблема, однако, заключалась в том, что эта дверь была заперта и не поддавалась никаким попыткам ее открыть. Бывают такие замки, открываются только ключами.

Постояв перед злополучной дверью несколько минут и убедившись, что открыть ее не удастся никакими силами (не помогли ни заколка, ни пилочка для ногтей, как это бывает в кино), Тина пошла обратно – вверх по лестнице.

Миновав ту площадку, на которую за несколько минут до того она вышла из потайного хода, Тина поднялась еще на пол-этажа и оказалась перед самой обычной дверью. Эта дверь не была заперта. Она толкнула ее и оказалась в каком-то маленьком, тесном и душном помещении. В носу засвербело, Тина громко чихнула, ткнулась вперед и случайно открыла еще одну дверь, точнее, дверцу шкафа – до нее дошло, что она находится в шкафу.

Ну и библиотека – сплошные потайные ходы и коридоры! Прямо как в средневековом замке. Хотя, это ведь и правда старинное здание – как там было написано на доске, – памятник архитектуры начала девятнадцатого века...

Дверца шкафа открылась, Тина шагнула вперед – и оказалась в читальном зале.

В том самом читальном зале, куда она вошла какой-нибудь час назад и откуда начались ее блуждания по злополучной и загадочной библиотеке.

Однако за время ее отсутствия в читальном зале произошли странные и удивительные перемены.

Как и раньше, здесь находились несколько читателей и библиотекарь, но если прежде все они тихо и скромно занимались своими делами – читали или вполголоса обсуждали прочитанное, – то теперь все, как один, крепко спали.

Кто-то спал, уткнувшись лицом в раскрытую книгу, кто-то – вольготно откинувшись на спинку стула. Библиотекарь Варвара Семеновна лежала щекой на своем столе и время от времени громко всхрапывала. Щеки ее теперь не свисали, а располагались на столе рядом с лицом. Очки свалились у нее с носа и лежали отдельно, поверх раскрытого блокнота. Тина узнала и ту престарелую пионерку, которая безуспешно пыталась зазвать ее на литературный диспут. Старушка крепко спала за столом, обнимая бюст баснописца Крылова.

Тина удивленно оглядывалась по сторонам, не веря своим глазам.

Вся эта сцена выглядела совершенно нереально и больше всего напоминала сказочный замок Спящей красавицы. Не хватало только самой принцессы Авроры и прекрасного принца, который должен разбудить ее своим поцелуем.

Храпящая библиотекарьша явно не годилась на роль принцессы, а сама Тина не хотела принимать участие в этом сомнительном спектакле. Она хотела как можно скорее покинуть библиотеку.

– Что здесь вообще творится... – проговорила она снова вслух, торопливо проходя по читальному залу и оглядываясь по сторонам, – библиотека называется... Очаг культуры... Да это больше напоминает какой-то наркопритон! Курильню опиума из какого-то дешевого исторического боевика!

Ей стало жутко от собственного голоса – до того чужим и страшным показался он в тишине читального зала. К тому времени Варвара Семеновна перестала храпеть.

«Бежать! – подумала Тина. – Бежать немедленно из этого дурдома, забыть его и никогда не вспоминать. Книгу выбросить в первую попавшуюся урну...»

Тина уже подошла к выходу из зала, когда за той самой дверью, к которой она направлялась, послышались медленные, тяжелые, неровные шаги.

Тина застыла на миг, потом стремительно метнулась за дверь, прихватив по дороге один из библиотечных стульев. В этой ненормальной библиотеке нужно быть начеку. Второй раз она не позволит себя провести и запереть.

Дверь открылась, и Тина затаилась, подняв над головой стул. Но тут же опустила его, потому что увидела не коварную уборщицу и не мужчину, что участвовал в подслушанном Тиной разговоре, а немолодую женщину с палкой. Женщина была крупная, даже грузная, наверное, поэтому шаги ее звучали так тяжело.

– Не надо, – женщина повернула голову с узлом седых волос на затылке, – у нас нет на это времени.

Тина опустила стул и с подозрением уставилась на женщину. Лицо без намека на косметику, даже губы не накрашены, этот узел волос, мешковатая одежда. Тетя здорово напоминала учительницу из старых советских фильмов.

Как-то Кирилл переживал очередное увлечение. На киностудии «Ленфильм» случился не то пожар, не то потоп, пока спасали архив, все ленты перемешались. Был у Кирилла знакомый на «Ленфильме», который сумел его привлечь. Так они с Тиной больше месяца сидели в едва просохшем помещении и просматривали старые ленты в надежде отыскать среди них давно потерянный шедевр.

Кирилл, захлебываясь от восторга, рассказывал ей кое-что из истории советского кино. Имена Дзига Вертов, Эйзенштейн, Пудовкин, Протазанов сыпались из него, как картошка из прохудившегося мешка.

Тине было душно и скучно, а вместо шедевров попадалась разная дрянь из колхозной жизни, в основном про любовь доярки и тракториста. Или свинарки и комбайнера.

День, когда Кирилл объявил, что их походы на «Ленфильм» закончены, был едва ли не самым радостным в Тининой жизни.

– Не надо, – повторила незнакомая женщина, – не бойся, ты должна доверять мне.

«С чего это вдруг? – подумала Тина. – С какого, интересно, перепуга я должна доверять совершенно незнакомому человеку? Да еще в этом дурдоме...»

Женщина посмотрела на нее чуть выпуклыми глазами, и что-то такое зацепило Тину в этих глазах. Она вдруг успокоилась, отставила стул в сторону и шагнула к женщине.

– Вы – Александра Ильинична? Это с вами я говорила по телефону?

– Да, это я, – ответила женщина, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Тогда, может быть, вы объясните мне, что все это значит? – Тина махнула рукой в сторону спящих. Библиотекарша особенно громко всхрипнула и махнула во сне рукой, от чего очки ее свалились на пол, но не разбились.

– Значит, они все-таки пригласили *его*, – огорченно пробормотала Александра Ильинична, – не думала, что они решатся действовать так открыто...

– Кого – его? – раздраженно заговорила Тина. – Вы можете мне объяснить, для чего меня замешали в эту историю? У вас в библиотеке все ненормальные, но я-то тут при чем?

В волнении она не сообразила, что говорит слишком грубо и невежливо, что эта самая Александра Ильинична не сделала ей ничего плохого, и вообще недопустимо так разговаривать с незнакомым, немолодым человеком. Однако ее собеседница не стала возмущаться по этому поводу.

– Тебя выбрали, – сказала она веско, – так уж случилось, что выбрали именно тебя. Ты теперь посвященная.

– Посвященная – во что? – фыркнула Тина. – Ладно, не собираюсь даже слушать эту ерунду, я хочу уйти. Вы уж здесь как-нибудь сами, – она кивнула на спящих, – побудку им сыграйте, что ли... Или музыку погромче включите. Может, тяжелый рок подойдет?

Тут она заметила, что женщина напряженно прислушивается к чему-то. Причем Тина понятия не имела к чему, потому что звуки все были те же самые – храпела библиотекарша, тихонько посвистывала старушка в обнимку с бюстом Крылова.

– Поздно, – сказала Александра Ильинична, – нужно быстро уходить отсюда.

– Вот как раз это я и собиралась сделать! – обрадовалась Тина.

– Не туда! – Александра Ильинична сильной рукой отвернула ее от двери. – Вот сюда...

Они пробрались мимо стола библиотекарши, причем Тина заметила, что глаза ее широко открыты, но взгляд мутный, незрячий, затем свернули за стеллажи с книгами, проходя узким коридором, пару раз поворачивали и остановились возле очередного стеллажа. Александра Ильинична уперлась в него.

– Помоги! – прохрипела она, и когда они налегли вдвоем, стеллаж повернулся и за ним открылась низенькая дверца, почти сливающаяся со стеной.

Александра Ильинична отперла дверцу небольшим старинным ключом с фигурной бородкой.

– Иди туда! – сказала она. – Иди скорей, поднимайся наверх, вот возьми ключ. Там выбе-решься, будь осторожна!

– А вы? – подозрительно спросила Тина, не сделав попытки взять ключ.

– Я не дойду, там слишком сложно, с моими-то ногами, а ты молодая, пройдешь! Иди! – прикрикнула она строго. – Оставь меня, я сумею за себя постоять!

– Но как же... Как я узнаю...

– Все в книге. Ищи и найдешь! – сказала Александра Ильинична, выпихивая ее, и захлопнула дверь.

Тина очутилась в полной темноте. Она вытянула руки перед собой, потом в стороны и поняла, что впереди узкая лестница. Она повернулась назад и увидела тонкий лучик света из замочной скважины.

Тина вставила ключ и осторожно повернула его. Затем придержала дверь, чтобы та не скрипнула, и тихонько протиснулась обратно в библиотеку. Она не могла просто так уйти, нужно было все же понять, что тут происходит.

Пройдя на цыпочках обратным путем, она выглянула из-за стеллажа. В читальном зале по-прежнему было сонное царство. Александра Ильинична стояла посередине зала, а напротив нее Тина разглядела мужскую фигуру. Мужчина был очень худ и оттого казался неправдоподобно высоким. Он был в какой-то черной хламиде, длинные волосы стянуты сзади в хвост.

– Отойди! – говорил он, повышая голос. – Отойди с моего пути, иначе пожалеешь!

– Все юродствуешь, – устало отвечала Александра Ильинична, – никак не угомонишься. Зря связался ты с ними, ох, зря. Не про тебя этот кусок... И девушка эта не про тебя...

– С дороги! – крикнул мужчина и взмахнул рукой, будто хотел ударить.

Но рука его странным образом застыла в воздухе, словно ее кто-то перехватил.

– Уйди по-хорошему, – сказала Александра Ильинична, и в голосе ее Тина услышала неимоверную усталость, как будто она удерживала что-то очень тяжелое, – нечего тебе тут делать.

Мужчина не ответил, со своего места Тина видела, как вздулись у него на шее вены. С видимым трудом он распрямил руку и сжал ее в кулак. Внезапно книги, что стояли на полке за столом библиотekarши, с шумом посыпались на пол.

– Развлекаешься... – прохрипела Александра Ильинична. – Деш-шевый трюк.

Она выпрямилась, опершись на палку, и мужчину отбросило к противоположной стене. Тина едва не вскрикнула.

Странный мужчина морщился, потирая спину, ушибленную, надо думать, о стеллаж, лицо его кривилось.

– Ну все, – сказал он, – ты права, это были игрушки, теперь начинается настоящее.

– Ну-ну, – усмехнулась Александра Ильинична, но Тине видно было, что она устала, смертельно устала, что силы ее на исходе.

Странное дело, Тина совсем не удивилась тому, что видела. А ведь эти двое боролись на расстоянии, не касаясь друг друга. Тина не успела как следует осознать, что тут собственно происходит, как вдруг одна из спящих фигур вяло зашевелилась и встала тихонько с места. Это оказалась библиотekarша Варвара Семеновна. Она постояла, крутя головой, будто понятия не имела, где находится, и вдруг встрепенулась, словно ее позвали, и пошла, как идет человек, повинувшись приказу – твердо и целеустремленно.

Александра Ильинична не видела, что Варвара Семеновна движется к ней и, судя по всему, намерения у того, кто ее направлял, самые серьезные. Мужчина в черном старательно удерживал внимание Александры Ильиничны мелкими отвлекающими деталями.

Вот упала шариковая ручка со стола, вот выскользнул из рук спящей, не в меру активной бабульки бюст баснописца и упал ей на ногу, что, несомненно, было большой удачей, так как он не разбился. Бабулька от такого удара не проснулась, только повернулась на другой бок, зашавив руками по столу.

Библиотekarша приближалась неотвратимо, вот она повернулась, и Тина увидела ее лицо – совершенно каменное, и широко открытые глаза, в которых не было ничего, кроме черной пустоты. Вот она сделала последний шаг, и Тина не выдержала.

– Берегись! – закричала она. – Сзади!

Александра Ильинична отреагировала, но недостаточно быстро. Она уклонилась от длинных загребущих рук, похожих на клещи, готовых сомкнуться на ее шее, но не удержи-

лась на ногах и осела на пол. Тина рванулась было к ней, но тут в мозгу ее зазвучал гневный приказ: «Беги! Немедленно уходи отсюда!»

Но было уже поздно. Мужчина в черном резко повернулся в ее сторону.

– Так-так... – проговорил он с удовлетворением, – это очень кстати... Очень кстати... Тебя-то я и искал...

Тина вдруг почувствовала, как ее тянет какая-то странная, непреодолимая сила. Было не больно и никаких неприятных ощущений, но ноги ее сами собой пришли в движение и зашагали по направлению к мужчине.

«Что такое? – в смятении подумала она. – Что это со мной? Мне вовсе не надо к нему...»

Она попыталась остановиться, но ноги не слушались, ее влекла вперед неведомая сила. Тогда Тина уцепилась рукой за ближайший стеллаж. Стало легче. Может быть, от того, что Александра Ильинична поднялась на ноги и вперилась в мужчину взглядом. Он подался назад, тогда Тина метнула в него тяжеленную книгу, взятую с полки. Не попала, а точнее, он уклонился.

Она не растерялась и метнула следующую. Теперь книги летели сплошным потоком, Тина не успела удивиться, до чего ловко у нее получается. Летели книги прицельно, так что мужчина не успевал уворачиваться, да еще Александра Ильинична подгоняла его взглядом. Он пятился к дверям, и уже одна щека от удара тяжелой книгой распухла, и руку он потирал, морщась.

И вот, когда Тина уже торжествовала победу, библиотекарша Варвара Семеновна, про которую все в пылу драки позабыли, подкралась к Тине и заломила ей руки за спину.

Было так больно, что Тина закричала, но Александра Ильинична не могла прийти ей на помощь, она сдерживала взглядом своего противника. Он рвался к Тине, но не мог преодолеть невидимую преграду.

Тина, шипя от боли, лягнула ногой. Попала, но это не облегчило ее положения, поскольку библиотекарша находилась в трансе и была не слишком чувствительна к боли. Тина завертелась ужом и укусила свою противницу в предплечье. Рот тотчас наполнился шерстью – костюм Варвары Семеновны был пошит году этак в пятьдесят пятом, а тогда о синтетике и слыхом не слыхали, все материалы были натуральные. Ткань, надо думать, все же обветшала за такое-то время, так что Тина буквально выгрызла кусок рукава.

То ли мужчина в черном на мгновение отвлекся, то ли вид порванного костюма оказался слишком большим ударом для аккуратной библиотекарши, но Варвара Семеновна отпустила Тинину руку и стала тупо разглядывать дыру на рукаве. Тина тотчас вырвалась из железных объятий и отступила назад.

«Беги, – звучал в голове слабеющий голос Александры Ильиничны, – беги...»

И тут библиотекарша встрепенулась, как будто получила новый строгий приказ и шагнула к ней. Тина, отступая, споткнулась о бюст баснописца Крылова, подняла его с трудом и с криком «Надоела ты мне!» опустила на голову библиотекарши.

Это помогло, та свалилась на пол без единого звука, а Тина, повинувшись словам Александры Ильиничны, бросилась к маленькой дверце за стеллажом. Мужчина в черном ринулся было за ней, но тут будто молния сверкнула в читальном зале. Мужчина схватился за глаза, зашатался, опрокинул стул. Тина успела еще заметить бледно-восковое лицо Александры Ильиничны, и что та плавно, как в замедленной съемке, падает на пол.

Тина пролетела до дверцы, распахнула ее и захлопнула, оказавшись в крошечной тьме. На ощупь отыскивала ступеньки, лестница была винтовая и очень крутая, зато падать было некуда, Тина касалась руками стен.

Подъем продолжался долго, Тина вспомнила, что здание имеет четыре этажа. Наконец Тина головой уперлась в люк. Он тоже был заперт, но подошел тот же ключ.

Люк выходил не на крышу, а в крошечный мезонинчик. Тина выглянула из круглого окошка. Крыша была покатая, да еще дождь пошел. Что ж, нужно идти. Выйдя на крышу,

она огляделась. Слева стоял другой дом, почти вплотную. Справа между домами был проход. Тина повернула налево.

Чудом не поскользнувшись на покато́й крыше, она добралась до края. Между крышами оказалась все же небольшая щель, и кто-то положил доску, чтобы удобнее было перейти. Это забота о ней? Или, скорее всего, доску положили экстремалы, любители путешествий по крышам. Тина с опаской ступила на доску. Ничего не случилось, она оказалась на крыше соседнего дома.

Этот дом был нежилой развалюхой, крыша совсем прохудилась. Тина опустилась на четвереньки и поползла черепашиным шагом, боясь споткнуться, упасть и покатиться вниз. Она с трудом нашла выход на чердак, люк был завален старыми досками.

Наконец она умудрилась пробраться по чердаку и вышла на лестницу, ступени которой были полуразбиты, а перил не оказалось совсем. Но после покато́й скользкой крыши для Тины спуститься по этой лестнице было легко.

Дверь подъезда была забита снаружи досками, но Тина так долго ломилась изнутри, что проржавевшие гвозди в конце концов отлетели. Тина выскочила на улицу и припустила к проспекту, чтобы поймать машину и убраться поскорее из этого проклятого места.

Встречная женщина испуганно шарахнулась от нее в сторону, мужчина загодя взял крошечную собачку на руки. Тина увидела свое отражение в витрине продуктового магазина и поняла, отчего внушает людям такой страх.

Волосы всклокочены, тушь размазана, сама грязная как чума, да еще и пуговица на рукаве куртки вырвана с мясом. Ужас!

Кое-как пригладив волосы, она вытерла лицо платком, застегнула куртку и, дойдя до угла, подняла руку.

Остановились разбитые «Жигули». Водитель – небритый, с кривыми зубами, по-русски не понимал совсем. Тина дергала его за плечо и руками показывала направление. Так и доехали.

Самое удивительное, что Тина во время всех этих приключений не потеряла сумку. Она так и болталась на плече, хотя в процессе бегства раскрылась. Но ничего не выпало, все оказалось на месте – и кошелек, и косметичка, и мобильник, а ключи Тина всегда держала в кармане.

В сумке лежала еще книга, та самая, из-за которой получилась вся эта суеда. «Следы на снегу», автор – некий Прошкин. Но Тина про книгу даже не вспомнила, у нее после всего пережитого была в голове только одна мысль – забраться в горячую ванну и лежать в ней долго-долго.

После ванны, однако, она не смогла сразу заснуть и взяла в руки книгу, открыв ее на случайной странице.

– Слышишь, барин? – Ли Фань остановился, настороженно прислушиваясь. Его собака негромко закулила, прижалась к ноге хозяина. Шерсть на ее загривке поднялась дыбом.

Теперь и Артемьев услышал где-то вдалеке негромкую волчью переключку. Вокруг быстро темнело, тайга окружала их, как вражеское войско.

– Волки... – проговорил Артемьев неуверенно и зябко поежился. – Может, косялю гонят?

– Нет, – ответил Ли Фань и огляделся, словно что-то потерял, – не косялю. Когда косялю гонят – они другим голосом говорят. Это, барин, они по нашему следу идут.

– По нашему? Но волки редко нападают на людей. И у нас ведь есть ружья! Мы отобьемся, если что...

– Это большая стая, барин! – опасливо проговорил китаец. – Сильно большая стая. И ночь, однако, наступает. Ночью волки сильно смелые становятся.

– Что же нам делать? Далеко ли до твоей фанзы? Не успеем мы до нее дойти?

– До фанзы не успеем, барин! До фанзы далеко, до волков близко. Костер делать надо, барин! Сильно большой костер, чтобы отпугнуть волков!

Они быстро собрали валежник. Артемьев достал спички, но Ли Фань презрительно отмахнулся, вытащил из-за пазухи огниво, сухой трут и в несколько секунд развел костер.

От яркого пламени сразу потемнело, резко и беспощадно на тайгу опустилась ночь. Артемьев подсел к самому огню, протянул над пламенем руки. Собака охотника втиснулась между ним и своим хозяином. Шерсть у нее стояла дыбом.

– Еще хворост надо! – озабоченно проговорил Ли Фань. – Много хворост надо, чтобы на всю ночь хватило!

Он снова направился к зарослям, но не успел дойти до них, как опять раздался волчий вой – на этот раз совсем близко.

Ли Фань покачал головой, вернулся к костру, сел на корточки, положил на колени ружье. Артемьев тоже приготовил свой карабин, проверил заряд. Собака вскинула голову, взглядывая в чащу.

– Мало, однако, хвороста! – проговорил китаец. – Надолго не хватит!

Тут кусты на краю поляны раздвинулись, между ними мелькнуло серое, сверкнули горящие глаза. Ли Фань вскинул ружье, хотел выстрелить – но волк уже скрылся, и китаец положил винтовку, чтобы не тратить попусту порох.

А кусты вокруг то и дело шевелились – волки окружили поляну со всех сторон.

Китаец снова вскинул ружье, на этот раз выстрелил. В кустах негромко заскулили, что-то перебежало.

– Не убил, однако, – сокрушенно проговорил охотник, – только ранил. Сильно плохо. Волк теперь сильно злой, ни за что не уйдет!

В кустах продолжалась суета, то и дело волки коротко выли, словно переговаривались, словно строили коварные планы – как бы перехитрить людей, как бы добраться до них...

Костер тем временем понемногу догорал.

Все меньше оставалось хвороста, все ниже плясали языки пламени, и вместе с тем все ближе и ближе надвигалась темнота. И в этой темноте то и дело вспыхивали волчьи глаза, то и дело раздавался короткий вой и глухое рычание.

В какой-то момент Артемьев не выдержал и выстрелил в темноту – туда, где, как ему показалось, мелькнул волчий бок.

Выстрел не достиг цели – волк не взвыл от боли, только перебежал на другое место. Зато остальные волки придвинулись еще ближе к костру, как будто выстрел придал им новые силы.

– Зря стрелял, барин, – неодобрительно проговорил китаец, – зря заряд перевел!

– А что же нам делать? Так и ждать, пока костер догорит, и волки все разом на нас набросятся?

– Плохо, однако, – вздохнул Ли Фань, – ничего не поделаешь, лесного человека звать придется.

– Кого? – недоуменно проговорил Артемьев. – Какого человека?

– Лесного, – ответил китаец, – ваши люди его лешим зовут, наши – гулем...

– Какого лешего... – выдохнул Артемьев – что ты такое говоришь, я не понимаю...

Китаец тем временем достал из-за пазухи какой-то темный предмет. Артемьев не разглядел его, да он особенно и не глядел – он смотрел в темноту, где мерцали волчьи глаза. Ли Фань поднес этот предмет к губам, зашевелил пальцами, как флейтист – и странный предмет издал тонкий, едва различимый человеческим ухом звук, похожий на звучание флейты, только не той флейты, которую приходилось слышать Артемьеву в театре, а той, должно быть, на которой играл козлоногий Пан на заре истории.

Волки как будто забеспокоились и немного отступили.

Однако костер постепенно догорал, круг света становился все меньше и меньше, и волки смелели, сужая свое кольцо.

– Ну и где же твой леший? – пробормотал Артемьев, испуганно оглядываясь по сторонам.

– Скоро придет, – невозмутимо ответил китаец, не показывая страх или волнение.

Он снова поднес к губам свою удивительную флейту, снова издал тот же тонкий, печальный звук.

Артемьев не выдержал, вскинул винтовку и опять выстрелил в темноту. На этот раз ответом на выстрел был резкий болезненный вой – должно быть, пуля задела одного из волков.

– Не стреляй, барин! – забеспокоился китаец. – Лесной человек испугается и не придет!

– Да не говори ерунды! – огрызнулся Артемьев. – Нет никакого лесного человека, выдумки это, зато волки есть, и волков очень много! Нужно их перестрелять, пока они на нас не набросились!

– Плохо говоришь, барин! – пригорюнился китаец. – Не надо говорить плохо про лесного человека, он обидится и не придет...

– Он так и так не придет!

И в этот самый миг заросли поодаль от костра затрещали, казалось, сама тьма расступилась, и из нее стремительно вылетело огромное косматое существо.

Артемьев вскрикнул от неожиданности и отшатнулся.

Рядом с угасающим костром стояла огромная обезьяна... нет, не обезьяна, но и не человек, а какое-то создание, чем-то похожее и на обезьяну, и на человека.

А еще это создание было похоже на жуткое порождение ночного кошмара.

Артемьев помнил, как в детстве ему казалось, что в темноте, в дальнем углу его спальни, таится какое-то жуткое, невиданное чудовище... именно таким он тогда и представлял себе это порождение ночи.

Ростом он был с высокого человека, только очень сутул. Длинные руки свисали почти до самой земли, большая голова с длинными спутанными волосами лежала прямо на покатых плечах, без всякого намека на шею. Лоб низкий, скошенный, с мощными надбровьями, под которыми глубоко прятались маленькие глаза, горящие, словно два угля. Самое же главное – вся его фигура дышала огромной силой, во много раз превосходящей человеческую.

Кошмарное существо наклонилось, обвело поляну пристальным взглядом своих маленьких пылающих глаз и издало низкое, угрожающее рычание.

И тут волки понялись, отступили, испуганно скуля и коротко подвывая, будто подбадривая друг друга.

Зверочеловек наклонился еще больше, опершись о землю кулаками, опустил нижнюю губу, обнажив огромные белые зубы, и зарычал гораздо громче прежнего.

Прошло еще несколько бесконечно долгих секунд – и Артемьев понял, что волки отступили, убежали, скрылись в темноте.

Однако стоявший рядом огромный зверь казался ему еще опаснее, чем волки. Во всяком случае, волки боялись огня, а это существо словно ничуть его не опасалось...

Артемьев покосился на Ли Фаня.

Китаец стоял на коленях лицом к зверочеловеку и что-то говорил ему вполголоса, будто молился. Артемьев прислушался и разобрал слова этой удивительной молитвы:

– Спасибо тебе, добрый лесной человек! Мы – твои друзья, и за твое добро всегда отплатим тебе добром! Не сомневайся! Мы не тронем твою еду, мы не потревожим твой покой, мы уйдем с твоего пути, когда встретим тебя в тайге. А сейчас, добрый лесной человек, прими наше угощение!

С этими словами охотник положил на траву возле костра большой ломоть хлеба, посыпав его крупной солью, и отполз назад, не сводя глаз с косматого существа.

Зверочеловек наклонился, поднял ломоть и поднес его к лицу. Принюхавшись, облизал соль широким багровым языком, зажмурился от удовольствия и в один прием проглотил краюху...

В двери заскрежетал ключ. Потом раздался звонок.

Валя торопливо вышла в коридор, подошла к двери.

Так и есть, она забыла вытащить свой ключ из замка, и теперь снаружи его было не открыть. А там, за дверью, стоит Виктор, вернувшийся из командировки...

Валя повернула ключ, нажала на ручку, открывая дверь и одновременно натягивая на лицо выражение радостного удивления.

Она точно знала, что скажет ей Виктор:

«А вот и я! А ты ждала кого-то другого?» – и засмеется привычной шутке.

Дверь открылась.

На пороге стоял Виктор с дорожной сумкой в руке.

– А вот и я! – проговорил он, широко улыбаясь. – А ты ждала кого-то другого?

Он рассмеялся хрипло – и Валя засмеялась вместе с ним его дежурной шутке. Все как обычно, только сегодня она вдруг отметила, какой неприятный у него смех. Как будто ворона каркает. Да не простая ворона, а сильно простуженная. Кашляет, задыхается, но все равно каркает. Через силу.

Валя тут же опомнилась – что это с ней? Муж вернулся из командировки, они не виделись три дня, а ей совершенно не хочется его видеть. Смех, видите ли, неприятный. Да с чего вдруг? Ведь не первый раз она его слышит!

Чтобы выбросить пустые мысли из головы, Валя подошла к мужу и положила руки ему на плечи, потянувшись поцеловать. Но он быстро отстранился:

– Потом, малыш, потом! Все потом! Я с дороги грязный, сначала в душ!

Бросил сумку и наклонился, снимая обувь.

С удивлением она заметила, каким свежим, помолодевшим кажется муж – вроде и не из деловой командировки вернулся, а с морского или горнолыжного курорта.

И тут же вспомнила, что он всегда так выглядит после своих деловых поездок. Может, это вовсе не деловые поездки? Может быть, у него появилась другая женщина?

Мысль эта пришла ей в голову так неожиданно, что Валя едва не вскрикнула. Хорошо, что Виктор в это время возился со шнурками, чертыхаясь – видно, узел завязался крепко.

Валя с любопытством взглянула на мужа – и сразу же поспешно отвела глаза. Он как раз справился со шнурками и скрылся в ванной, не оглянувшись на нее.

И хорошо, подумала Валя, хорошо, что не оглянулся, Виктор может быть необычайно проницателен, он мог прочесть по глазам ее мысли. Незачем унижать человека подозрениями, тем более что мысль эта совершенно абсурдна.

Они женаты почти полтора года, и ни разу за это время он не давал ей ни малейшего повода для подозрений. Никогда не находила она следов чужой губной помады на рубашке, никогда не пахло от него чужими духами, а только мылом и собственным одеколоном. Не хватал он мобильный телефон и не спешил уединиться, чтобы поговорить без свидетелей.

Валя, конечно, никогда не читала его эсэмэски, но знала, что ничего там нет личного, только по делу. Потому что мобильник валялся у него на столе, без присмотра, значит, Виктор не боялся, что она что-то может там найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.